

**С
М
Е
Н
А**

XIV

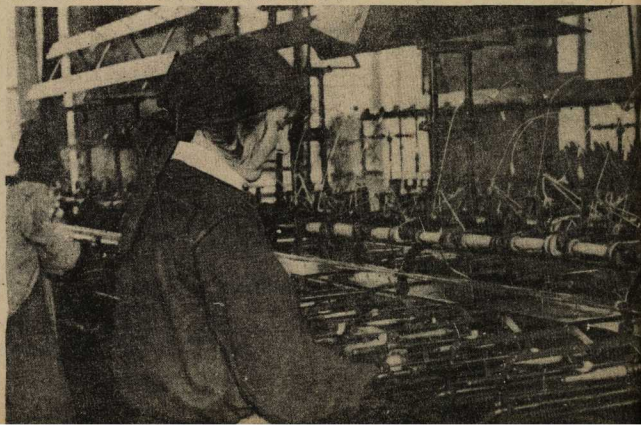
31-32

1st UNIFORMS ASSOCIATION, INC.

Кузнецитрой. Ударная бригада сборщиков котельного цеха т.т. Давыдов, Бессонов и Черников

Текстильная фабрика „Роза Люксембург“. Комсомолка за работой

как обьется
пульс
ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА

ПОЭМА О МЮЛЛЕРЕ КУРТ

Мюллер Курт из Гурта — шахтер.
Бьет пужа его болью,
как молот, —

И знакомы ему
с детского моря
нищета,
безработица,
голод.

Десять лет он в вазу рудника
(а ему девятнадцать от роду),
И как ктани, в пужа его
бьется
книжка,

Острым клювом
Взрыледи пороуд.
Давит тяжестью
Курта
руда —

Труд шахтерский тожительно жарок,
Все ж на мясо и хлеб
никогда

Нехватает
у Мюллера
марок.

Тань все годы идут
Тень за днем
Визз пужа тянет
Курта,
как тина.

Ну, я рядом разлился дождем
Яркий свет
из салонов
Бедлана.

Рядом — рюмок заглушенный звон.
Самыми музыкал шумовой
аккордов

А по улицам знатных персон
в ночь развозят
„паккарды“ и
„форды“.

Курт в забос с погутовой спивной,
Пог с лица
в миллионный раз
вытер.

А вверху все
торжуют страной:
Броннинг, Юнг,
Вандерсельде
и Гитлер.

Но чтоб жить в глубине рудника
И от жинженной трассы
не хныкать,
Мюллер Курт стал

уорно искать
Из кольца нищеты этой
выход.

На шахте закон ноявнейский
строг:
Готфронтованка и коммунистам —
острот.

А вместо них спущены
в ламы
и штретки
Для „обработки“ шахтеров
эздема.

Эздема в лависени масс
тормоза;
Им думу вождя напусти и
в глаза.

С закрытыми туго на правду
глазья
Их много, мудниц пока
за вождями

И спорных жарко:
каких дать полезней

Капиталжму*
декарств;
от б.лезней.

Весь пу... их рабочий
трупики
выстаив.

Где пляшут под Броннинга
Крисин
и Литман,

И в массы вождем рассыпают слова,
Фальшивы,
порою
под Маргса,

Но в диаграмме
их дел
всех выше графа

Предательств
рабочего
класса.

И там, где путь всезду
Броннинга трут,
Сыбнут они вместо демократов...
Но не злил этого Курт,
Вступил в союз

молодых демократов.
Эздеки, чтоб строй капиталла не дрог,
Гаулами гуа
класовой бури,

И Курта даяла
еще кречче
сапог

Фанистско-
разбойничьей
диктатуры.

И такие работач ночью без сна,
Дрожа от прохлады
осенних рассветов,

Он выдал как шла
под насыльем страна

В ярю
чрезвычайных
декретов.

Курт расколосном на-двое стал,
И чтобы мысль,
не бауждала
в тумане,

Он все чаще и чаще выкивал
В правду
памянных
строк

„Роте Фане“.
А однажды, когда звездный сор,
Была не виден за облачным ситом,
Вез он долго

всю ночь
разговор
в темном дтресе
с одним
коммунистом.

От бесед Курт начного прозрел,
Понял Курт, что он
в воу
не с классом,
И ночами все чаще сидел
за Лениным,

Либкнехтом,
Марксом.

Пусть забой по-бычному игланст,
И не знает дул солна

здесь места,
Но жает в левя огонь
коммунист

Возмущения,
борьбы
и протеста.

И у иставных на прыжкы борьбы,
У свергающих гнет голодовки,
Распрыжались

древянки горбы,
Поднимаа
спяг

забастовки.
В лаве кайла не точила руда,
Был вожар забастовочный жарок.
И бесповоно шад

в это ламы вода
В виде малкой надбавки
в шть марок.

Курт, влявлясь с бастуящими в ряд,
Первый раз обивлялся
с борьбою

И вонна, что
для жинжи мандат
Надо брать, не иначе
как с бою.

Жизнь огрыла пред ним
новый путь,
Жизнь была для него
словно школа.

И ушел напсегла
Мюллер Курт
От эздеков
в ряды комсомола.

Снова мгла и в забос руда
И кирка хлящной витиево бьется.
Но в эздеческий стал
никогда

Курт из наших рядов не вернется.
Он в ряды комсомола пришел,
Чтоб, как Либкнехт,
борьбою уныть,

И ему пурчкы комсомола,
Пост рабочего,
пропангандиста.

И в забос, где блещет кирка,
И по штретам,
где шинальные кости,
Мюллер Курт по заданию ЦК
Директивы проводит
о росте.

Рубит в шахте он эздеков саов
Соглашательско-клянов
остаток,
Из шахтеров готово бойцов
Дла решающих
класовых
схваток.

И шахтеры из стана эздеков идут
За Октябрь мировой

вместе с нами,
И, как Мюллер, без жалости руот.
С соидна-падлачима
вождями.

Что б взорвал гнев наш
силою мин
Этот мир, где
разбойничьют юни.

Распрыжклет
рабочий Берлин
Спин шахтерских
могучие дуги.

Гнев шахтерский
выходит из шахт
И велит
под ударами жинжи
не хныкать

И найти
в баррикадных боях
И з пужам и бесправия
выход.

литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи в органах ЦК и МК ВЛКСМ
глав. отв. редактор Л. Волков — Ленинск
изд. орг. — Москва Гаврилин в адрес редакции: Москва, б. Чернышевский пер., п. 2, тав. 5-87-33
номер оформлен в. пророчном и фототехнические процессы под руководством и. соловатова

пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

№ 31 — 32 ноябрь 1937 г.

ХРЕБТОВЫЙ ГОД

А. ПИСЬМЕННИК

Нет другой отрасли производства в стране, где бы не были за социализмом вместе с партией ленинских комсомолов.

Третий, решающий год пятилетия подходит к концу. Отравившимся кадрами боев и побед встает перед нами хребтовый год.

Телеграмма Роста суха и красноречива: 30 сентября два основных цеха Уралмашстроя приступили к работе. В стапельном цехе в первый мартов. В чугунолитейном за 18 часов произведена первоочередная по мощной заварки, производительностью в 1200 тонн чугуна в месяц.

За эти краткие сообщения скрывается напряженнейшая борьба живых людей, большевистский энтузиазм и энергия уральских рабочих.

Уралмашстрой рождался в цехе металлических конструкций, где гибкие рывачные полосы углового железа, швелера и балки соединялись в ажурные мачты и кружевные фермы покрытия будущего завода. Цех металлических конструкций был почти весь молодецким. Из 1300 рабочих—800 комсомольцев. В измазаных спецовках, грохоча пневматическими молотками и зияя железными колесами, под впечатленным окриком индустриальных инструментов комсомольские бригады создавали металлический скелет. Ударным порядком перевыполнялись задания. Бригада Емочкина дала 126 процентов. Бригада Фарафанова—112. Электросварщики свою работу превратили

в ряд рекордов. Сигние электросварки, как традиционная иллюминация, освещала их трудный путь. В июне было задание сварить 140 тонн железных конструкций. Электросварщики подошли и сварили 130 тонн. Но задание было повышено до 150 тонн—электросварщики окончили его на 15 дней раньше срока. Августовскую работу плановый отдел дал на 300 тонн, рассчитывая, что в середине месяца будут пущены новые электросварочные машины. Но машины не были пущены вовремя. Комсомольцы начали работать без них. Они напрягли все свои силы, они работали по десять, по двенадцать часов, и встречая комсомольцев в 325 тонн, все задания были выполнены. И вот короткая телеграмма Роста сообщает: В темной уральской ночи запылающая новая стапельная и новая заварка дала первый чуток.

Комсомольцы-батальоны на Харьковском тракторострое вели борьбу за бетон. Об этой славной борьбе говорят цифры. Комсомольский батальон «Скорхода» на всеобщем соревновании бетонщика начал с 35 бетонозамесов, но постепенно он побольшевистски развернул борьбу за бетон. Жидкий сероватый материал плескался в деревянную форму и застывал в нее массой из каменной массы. Количество бетонозамесов повышалось каждый день. 35 замесов сменили 181, 275, 306, 402, 543, 669. Цифры выписывались на доске соцсоревнования фантастическим танцем и наконец рекордная цифра—937 замесов в одну смену прогрела на тракторострое.

На станции Агрия в поезде шел человек. Он был без вещей в туфлях и в валенках, обросший снегом. Лицо человека закрывала белая мараля, кисти рук были забитованы. Человек попросил помочь ему раздеться. С осторожностью пассажиры ступили с него жидкую тушу—человек оказался молодым парнишкой. Поезд тронулся, захрипел, и станция

Москва потонула в снежной вьюге. Разговорился. Люди ехали с уральских площадок, парнишка ехал из татарских лесов. Покачивая огромной белой головой, на которой голыми пальцами поблескивали мохляки, парнишка рассказывал о своей работе.

Его зовут Савельев. Он работал на заводе «Каучук», в начале зимы был мобилизован райкомом на лесозаготовку. Ему дали полушубок, ботинки, валенки, он поплывал в лес, а в лесу по многим речкам московских заводов отправился добывать топилю и строительные материалы. Зима была суровая. Два месяца москвичи рубили лес. Огромные деревья падали, лопая замерзшие стволы, но лесу разносился треск, снежные столбы сухих, ледянистых звездочек неслись в воздухе. Однажды Савельев застал буран. В лесу снежная вьюга не так страшна, как в лесу, деревья срываю ветры, но в лесу ледяная дорога, по просекам, на опушках крутит свирепо и зло. Савельев отбился от топилянки. всю ночь он плутал в лесу, а утром, когда стих буран, его нашли недалеко от землянки. Топильщик был близок к смерти. Обморозенные руки и лицо он залечил в Москве и потом снова в лес, на мороз, где так холодно, но так быстро и очень интересно.

Четырнадцатый год большевистская партия вместе с первым своим помощником—комсомолом строит социализм.

На полях и заводах, в авиации и во флоте, в городском хозяйстве и на транспорте борются за качество и за темпы ленинские ряды коммунаров. Еще один только год, и первая пятилетка будет закончена.

Новые заводы и заводы, другие станки и в строй. А на западе во вражеских странах в предсерийной агонии, скатая петлей кризиса, корчится капиталистический мир.

Хребтовый год пятилетия—решающий. Вот он подходит к концу, и мы констатируем: победа!

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПУТЬ

О. Мухом, Л. Политавец

Нашего о вьюгах, гибелью путешественников на колесных путях, в Бетове, который мчится в воздухе, таяние и градной вьюгой.

Два отключенных скакуна мчались стремглав, терзая копытами рельсы, скрывавшиеся закатом. За задрапированной нагауко лямкой бросивших башни укрались огуленные фессониней и занюхавшей матроски. Позади остался взорванный мост. Впереди буждала смерть, и люди в смуховых шапках гарцевали, готовя динамитные шашки, пели «Яблоко и между делом пытали захваченного вчера комисара. Два матросских бронепоезда, помятые в мешок, пробивались на север. Под Ново-Красным стальной разбег был остановлен футасами. В опустевшем селе красноречивцы подобрали окровавленного, богато раскрашено, которого махонцы не успели добыть. В подкадке разорванного рыскаго френча они нашли полотноую гривуцу, на которой распались фиолетовые буквы: паргилет, выданный в дни террора французских оккупантов подпольным комитетом РСФСРской Коммунистической партии (большевиков) города Одессы. Краскома уезжал на север, чтобы потом эвакуировать в Брянск. В Брянске босому краскому выписали драгоценный ордер на портянки и пару сапог. Но во всем городе не нашлось ни одной пары обуви, которую кузачевный моряк мог бы вынуть из свои распухших ног.

Тогда находчивый индентант пригласил с выставки забытые в запыленной витрине аршинные ботинки—мировую рекламу «Скорхода». Раненому вместо портянок выписана простыня, и он с испуганным наслаждением обулся в несурную огненную обувь, подвывая без телефонной проволокой. В тот же вечер большой, похожий на квадрат, краском, пошатываясь, брел на вокзал, волоча по земле удивительные аршинные ботинки. Из Брянска краском уехал в Москву, чтобы оттуда двинуть на Кочкача.

- ... Одан.
- ... Три!
- ... Одан!
- ... Три, дьявол вам на рога!
- Тас начался литьянка.

В искусстве такелажа человек преодолевает самого себя и постигает высшее наслаждение владеть над тяжестями. Человек, овладевший тайнами такелажа, глядит с презрением на многократно более балки и скалы, он жонглирует машинами и играет неподвижными формами.

Луна и Тихонов были единственными матросами на площадке. Они хотели одного: заменить свои знания на шестер черновиков. И криком и хвастом рассудился с ровным, как тротуар, маршуртом товарища Мельникова. Вот почему в этот пасмурный осенний день, когда в воздухе нависла противная мгла—то ли туман, то ли дождь,—на крышу ремонтного цеха вскаркалась большая, похожий на квадрат, человек.

Луна и Тихонов поплитались. Визгу, зарвав головы, собрались зевая. Большой квадратный пророб сказал: — Рвачи! Сегодня и сам ставлю три фермы! Если завтра вы опять оставите только одну, я все опозорю на весь Тракторострой. ... К вечеру над крышей ремонтного цеха застали три массивных железных фермы. На утро Луна и Тихонов прекратили итальянски. Три фермы в день—эта норма была закреплена.

... Краскома, который одиннадцать лет назад брел по улицам города Брянска в мировой рекламе «Скорхода», звали тов. Мельников.

Конечно можно было бы рассказать о том, что установка ферм на механо-сборочном была окончена за несколько дней до срока, можно было бы написать о чудесах изобретательности по укладке балок и сборочном цехе, о романтике военных штурмов на стройке фабрики. Можно было бы рассказать о том, как бывший краском тов. Мельников создал ударную бригаду из добровольцев, но это все конечно не основное. Главное было потом. Когда поднимаясь вьюги и надо было ставить кузачевный цех.

Стройка краскома Мельникова получила сложное оперативное задание—выковать в месячный срок железное чудо, подобие ледяные штурмы, укротить время и металл.

Заданием штурбом площадка была пустыня. Спешные ветры завывали над дощатым бараком, в котором хранился инструмент и проекты. Кровь коченела в жилах при одной мысли о том, что сейчас надо будет взять голыми руками за железо. Людям, впервые пришедшим на стройку, делалось жутко и холодно. Спрятаться в барак. Но прятаться было нельзя. Наоборот, надо было, цепко ухватившись за колонну, карабкаться по ней вверх на высоту пятиэтажного дома. Колыны обмерзали льдом. Ну же надо сбивать этот лед, рубить его, дробить молотом и клещами все вылезать, чтобы на самой головокружительной вершине клануть ветровые связи.

Ветровых связей нехватало—задерживал горловый завод. Но работу надо было вести поному ходом, и поэтому приходилось идти

на оттаивании рьсы—крепят двадцатиметровые колонны стальными тросами, чтобы хоть как-нибудь закрепить гигантский остов заторащего цеха.

Огромные колонны скрипят под ударами, и у робких людей, забудившихся в стальном лесу, холодок цехотал гонит. Вооружившись техническими спариваниями, они кричат о том, что безграмотный матрос губит цех, что так ставить колонны нельзя.

Робкие люди не послушали. А комсомол бросил на участок свои дуплине бригады. Комсомольцы не знали, что такое строй и чем майна отличается от вьры. Но они знали, что кузнице надо построить в срок, и поэтому они стали такеджакими. Во главе с железным прорабом, они пошли в метель, в зыму, в мороз, в штормы. Штормы не утихали в эту зыму.

И был один жуткий час.

Была ночь. И метель. Черная метель, какая бывает ночью.

Железный прораб в стальном лесу колонн разбил небольшую юрту, поставил там времянку—печь, поставил парки, и жил там. Он засыпал здесь на четыре часа в сутки.

Большой человек спал не раздеваясь. В багровых отсветах раскаленной времянки сверкал зашедевший его воротник. Тени падали глубоко под глаза, и лоб раскрасился морщинами.

— Товарищ Мельников!

Человек на парях вскарабкался.

— Товарищ Мельников! Рабочие отказались работать!

Мельников вскричал.

— В чем дело?!

— Боятся. На дворе метель. Шторм крепчает. Не быть бы худу! Мельников выскочил за дверь. За дверями раскрасилась адская феерия. Проекторы, мобилизованные железным прорабом со всей стройки, поблещившими солами кромеили ночь.

Шторм действительно крепчал. Двадцатиметровые колонны раскачивались в жутком ритме.

Надо подняться по стреле крана на 25 метров, оттуда по тросам спуститься вниз, ухватиться за колонну и на высоте четвеедесятиэтажного дома побойть и закрепить свазы.

Встретив свазы с точностью маятника ударами своими отсчитывает секунды. И вдруг мозг озаряет яркое, как полдень, воспоминание.

В зыму—девятсот восьмой год. «Кирасунда»—греческий парусник, на котором юность Мельников—юнга. Хитрый перелет снастей. Борьба по-кузнецкому баба-фига.

И через мгновение, загнуг крепкую матросскую брань, прораб рванулся вверх по перелетам стрелы.

Светало. Шторм вышибся из сил в неравной борьбе с управляемыми маяками. Шторм слелсянулся с героическим ветром производственной зависти. Шторм далеко отогнали в степь, в безвестность, к горизонтам.

... В тысячу девятьсот двадцать втором году атаман Перелетев ледяным походом через Арктику достиг Дальний Восток от РСФСР. Ледовитого океана вел армяо рипарей белого знамени и желтой нены.

Рыцарям, вооруженным японскими пулеметами и русским спиртом, очень хотелось проникнуть в Якутию, поднять восстание и оттуда обрушиться на юг, чтобы отрезать Дальний Восток от РСФСР. Тогда да вперед! История Якутии закончилась по полному кругу заргемья орудия и вековой лед окоченшей тундры расплавился под синцовыми ледками пулемета.

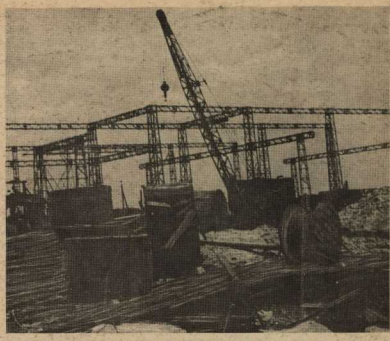
В те ледяные и огненные дни по приказу товарища Уборевича краском Мельников разворачивал, уставшую по нове в снегу, вверенную ему интернациональную роту, состоявшую из тулгузов, русских и якутов.

В эти дни не утихали штормы. И в грозных воялах огнедышащей метели, запутавшейся в стальных перелетах колонн, седенной красной слашкой крив крепчею друг с другом—пулеметчика, который ушел за полным кругом в везу (пулеметчик, отбываясь от белой сволочи, сеял в промерзшей тундре смерть, орошая снега синцом и кровью). Вдруг ногой его «Максим» сковал полярный холод. Тогда друг железного прораба припал к замку пулемета, чтобы согреть его собственным дыханием. И замороженный металл в одно мгновение отстал вправо и влево от пулеметчика.

Пневматические молотки на кузнице Харьковского тракторостроя продолжали орляный клекот замерзшего пулемета. В те дни, сражаясь за мировой рекорд, бригады Колоколюева, Мисягина и Марусина в неистовом гнев прокаливали отсутствие пара. Инертные материалы, перепервад на холоде и их нужно было отогреть теплым паром. Паро не было, и бетончики в героическом своем неустойчиве, бросались плашмя на инертные материалы, чтобы ожигить и разогреть их своим человеческим теплом.

Железный прораб, готовясь к установке конструкций в литейном цехе забрал на 10-й участок. Над землей в тот день гуляли веселые дельные ветры. Железная фигура чеканилась выдулою на сияющем небе, белая облака облепили ее, как паруса, и новые корпуса стояли, как корабли дальнего плавания, готовые сняться с якоря. На 10-м участке, увязая по колени в грузах земли, которую не успели вывезти из цеха, надвигались люди, тисцито пытаясь расчистить дорогу вагнеткам с бетоном. Цех на всем ходу грудаю превазял в мель, и сидел так в западне из мусора.

Старый морж глянул остро на арматуру потолка, на которой раздувались паруса. Снасти кораблей вспоминались отчетливо. Он предлодил оснастить арматуру, провести сверху над головой рельсы, на движущихся блоках привнести к ним ковни и гонять их, таща на веревке и подталкивая баграми.

И вот, гроча неперотным хохотом, ударяясь о колонны, раскачиваясь на ходу, ковни понеслись над оаураченными глыбами земли, завалившей цех, над балками, досками, цехами.

Это был ловкий, военный обход неприятя, но, это конечно было и техникой. Поведения работа железного прораба дала возможность группе Гужья дать рекорд—402. По этой дороге, выражаясь фигурально, группа пришла к победе.

Потом воздушные ковни,—выдуха старого матроса, стали привычными. Их использовали много раз и они участвовали, как важная составная часть боя в последнем тракторостроевском рекорде—937.

Связь между погубили за полным кругом пулеметчика, бетончиков, отогретьшем теплом цемент и победоносным ковнями прораба—очень проста. Энтузиазм героев не утихает. Выбег 19-го перекладывается с выгонами, 30-го. Но в 30-м, в реконструктивном, в битвы выступает бок о бок с энтузиазмом—техника.

Связи между зымами проступают с предельной четкостью в матросе-краском, коммунисте, прорабе строительства.

Ничего нет на Лоевской площадке пустырей. Половые великих рекордов унесло с собой мрачную память о позорной ночи, когда такеджакими едва не предали кузнецкий цех. В бараках забывают о героическом дне, когда железный прораб, окончательно надорвавшийся голом и командованияй сигналами с помощью свистка, потерял в угробе и отпустил высток. Тогда на Мельникова было страшно смотреть. Красный от натуги, с обмороченным лицом, опущенный от бессонницы, стиснув кулаки от досады, он еле-еле слышно прохрипел: «Скачите в милицию, в город, к чорту, к дяволу, достаньте свисток!» И командоваду жестами, пока ему не привезли из милиции свисток.

Стальной остов кузнецкого цеха уже одет кирпичом. В сборочном закреплен последний фонарь. В литейном установлена последняя закладка и надо думать об ином: о луске завода, о первом тракторе. Сегодня чисто выбритый, с иголочки одетый Мельников, похожий почему-то на американца, справляет свой первый выходной день.

Он в благодушном настроении. Мельников не привык к безделью, и он не знает, что полагается делать в выходной день. Поэтому он ходит в гости в построенный, в комсомольский комитет, в редакцию «Темпа», громыхает приветствиями и чужую менает работаться. Когда Мельников, пригнавшись, входит в комнату, кажется, что в двери вывалился железный экскаватор.

Внезапно он становится серьезным. Насуливших, Мельников на мгновение стихает и производит какие-то странные манипуляции своим огромным красным карандашом, похожим на миниатюрную дубинку. Тонкие карандаши Мельников прикладывает. Они жестко лопочью у него в руках. Потом сразу же он грохочет о том, что в Америке—он вычитал из книги—при проектировании больших строительных влючают кредиты на каждый миллион производственных расходов кредита на похороны одной жертвы несчастного случая.

И тыча пальцем в свои подсчеты, он в восторге кричит о том, что Америка ему не укад, что у него за все время не упал с лесов ни один пролетарий, и что он упер нос американца на все сто этим своим превосходным рекордом.

... Вчера железный прораб выгнал последнюю закладку в ферму нового тракторного завода.

Сегодня у него выходной день.

Затра он уезжает в Донбасс на Краматорскую площадку, чтобы там, в степи, где везут суровые донецкие ветры, поднять стальные каркасы гигантских цехов нового машиностроительного завода.

Затра он быть на целый год забудет о выходных днях и спирчет в чеход свой новейшей астором и прекрасную фетровую шляпу, чтобы сменить их на ту же заплатающую кожанку и ветхую шапку, в которых он подымал мелевские фермы, борясь с выгонами, снал, не раздеваясь, в самодельной юрте, организовав несмеханные мировые рекорды.

Затра краском Мельников уезжает в Донбасс. Составного пути, железный стержень!

разговор

утраивала коммуна, бабы выступали единым, сплоченным фронтом, истрепаны кидаясь на бывших красноармейцев:

— Это в колхоз, чтобы всем впопыху спастись с мужиками, под дестабилизацией одежде?— дались кулацкие жены-ководчи женской половины села.

— Да провались он пропадом, ваш колхоз!

Все начинания коммуны по коллективизации, сталкиваясь с версией о дестабилизированном одежде, уснащено поддерживаемой кулаками, неизменно разбивались.

Хитрый мужик:

— Мы бы пошли, да вот бабы не хотят.

Коммуна, потеряв несколько поражений, резко перестроилась, выступила тогда на арену тестирования хариловской фабрики ин. Тинькова. На закрытом партийном заседании ей-то и было поручено подвести первый футас под кулацкий сельсовет, который надо было, во что-бы то ни стало, взорвать.

Это была неравная борьба. Против шуплой городской работницы, сдержанной и дисциплинированной пролетарки, выступали дебилые, кулацкие жены, которых только затронуло:—такое наговорит, что сям верст до небес и все лесом!

На делегатские собрания женщины первое время шли из любопытства послушать чужого еще сегодня наберет чертовой хохлацкая, жена того самого, что донт коров за племем у Курятова.

Плетьки ринул испод бровей. Из-за плетни вышла неожиданно жена Елена Кухарь, и остановилась перед Грицко, который долма корову.

— К вам заявление подавать, или как?—спросила она просто, вздохнув так, как будто свалила с сердца тяжесть, которая ее давила много лет.

За плетнем слышался взволнованный шепот.

Вместе с Еленой пришла в колхозу ее сестра Мария. Расгорявшись с родными и напоследок выходя из в лицо все обиды, заявилась с узелками и чуточком в канцелярию коммуны Прокопьев Анастасия и Прохорова Евгения.

— Одежда у нас своя!—торопливо сказала, густо покраснев, Анастасия.

За ними потянулись Дюнова, Риченко и Яценко.

Женский фронт был прорван,—очередь дошла до мужского. В воскресный день, когда село празднично поживая у крыльца, гудело крепкие орешки, на улице показался старик—бедняк Ануфриенко.

Он шел медленным шагом высоко задрав голову и устремил строгий взгляд своих голубых глаз вперед, к синеватой вышке, у предгорья, тайге. На шерстяной, домкотовой веревке старик Ануфриенко вел за собою корову. Коровы, чистенько вымытая и вычищенная, шалога важно, как на параде, с алой бумажкой розой на хвосте, выставляла потешливую дырявую шляпу, села за отцом на тех же коровьих синах,—первый рабочий на селе. Поверх незаметного шарба, цепляясь за корыто, сидела мать—старуха Ануфриенко.

— Вот мы и пришли!—произнесла она, низко кланяясь вышкочившему в ворота, вследа за крошечком, Михайло Ивановичу Бондаренко.

Михайло Иванович, растерявшись, отдал по-военному честь, неожиданно для самого себя щелкнув каблуками. Никогда не щелкала, а тут варуг щелкнул.

— Здравия желаю!—гаркнул неестественно громким голосом Михайло Иванович.

— Пожалуйте!—широко распахнул он ворота, выбив ударом кулака цепло.

А село бурляло, кипело в котле классовой борьбы. Коммуны, сорвав маску с кулацкого сельсовета, на досрочных переборах дрались за каждую свою кандидатуру до хрипты в гортань. На подступах к сельсовету кулаки были разбиты наголову.

— Сдайте печать секретарю, гражданину,—строго произнес, войдя в помещение совета, новый председатель червоармеец Халыстов. Секретарь, коммунар Карпушенко, сел за стол.

Свои 650 центнеров задолго до хлебозаготовительных сроков коммуна привезла в Ачинск красным обозом на парных волах немецкого происхождения.

Обеспечив себя продовольственным и семенным фондом, коммуна начала строительство крупного жилого дома, теплого скотника на 100 голдей и большого свинарника. А пока, чтобы и эту зиму не страдать, как прошлую, правление купило в селе несколько домов, где и разместило разросшееся население.

Росла коммуна! Есть ли расчет заселяться дома в девках бело-реченским невестам, когда под боком села повывались такие добрые женщины—целя коммуны хозяйственных, думающих о завтрашнем дне хозяек.

В лесках делало зазывку на жилью погостово славной червоармейской, пустившей в землях, что у Чулым в Сибири, прочие, здоровые ростки.

Вокруг первой артели «Красная делегатка» с новой силой забулжали страсти. Санина и Минцева отклонили, но зато валились Тиньковская Наталия и Седельникова, пришла Маруся Фомина, пригласилась деле старуха Карникина. Это было уже началом настоящего колхозного прилива весми тридцат первого года, когда в артель в один день вступило несколько десятков мужчин.

Они дали отвод названию «Красная делегатка».

Мужчины же теперь уже не соответствет женскому названию, как мы есть мужичины и нас больше,—мотивировала отвод степенный старуха, предложивший назвать артель «Красным колосом».

Противный лагер тоже не сидел сложа руки. Через улицу вырост «Красный яр», делами которого усеял управлять кулак Непомня-

щий Павел. Но коммуны, искусно расставив колхоз, вывели из его состава бедняков и середняков, перетянув их в «Красный колос», который вырос настолько, что решил теперь наименоваться «Красным Октябрем». Оставшие не при чем в «Красный яр» не-сколко кулацких хозяйств подлялись обратно, в «зажиточные единоличники».

С долгожданым трактором, полученным в подарок из поляка, выехала семь свои 660 в весну 1931 года славная червоармейская коммуна, с чеством выдержавшая суровый классовый экзамен знаний—в борьбе с климатом, весной и летом—в жестких схватках с кулачеством.

Бывший ярд, прачка Михайло Иванович Бондаренко, окончив трех-месячные курсы по животноводству, забрался на голову руководить командные высоты: его назначили главным животноводом коммуны, инспектор МТФ на 100 коров, свинарник с поголовьем в 189 штук и свиные стадо в 227 голдей.

Михайло Иванович, отморозив ухо во время вожи-воя на завод, нашел способ как перехитрить сибирскую зиму, не затрачивая денег на покупку овчины и мехов для шубы. Он организовал крольчатник на 600 крольков.

Мех на теплые шляпки с шапками и рукавцы, а мясо на детплодачку,—подманивал он мне хитрым, серым глазом, в котором загорались искорки торжества.

Коммуна, не остановившись перед коллективизацией одного только Белого Яра, сферу своего влияния распространила и дальше.

Ворышевский колхоз? Колхоз «1 Мая»? Так не ж м я их весной сорганизовали,—спокойно подтерпел случайно подслушанный мною в Ачинском райземе разговор Григорий Заноха—бессменный председатель коммуны.

Разговор об этой скромной, незаметной коммуне идет не только в ачинских учреждениях. Да и как ему там не идти, если Райком хохоско берет инструкторов на коммуны, если потребовано приглашает на работу Даниленко и Прокопьева, если в КК РКИ—получает путевку Лемкин, если секретарем ачинской деткомиссии выбирает Чертыничского, если пом. директору свиноводческого совхоза поставляет Передерия, если руководит: Больше-улуйской партийной—Нарьянский, а соседней коммуной—ИМПД—питомец Н-ной украинской—Коровянский!

Разговор об этой скромной и незаметной коммуне, каких в Сибири немало, идет не только в ачинских районных учреждениях. Разговор о них идет в тайге. Большой разговор.

Радом, в 10 минут ходьбы, выработавший 100. Передайте орар, идите по направлению к Чулым, и вы убедитесь в этом сами.

Но вот выходит коммуны Маруся Докова и учитель заносит результат:

— 222. Появляется Фрося Сивичкина:

— 317. Спитник Кузнецкова:

— 460. Торписты Таранова:

— 472. Не разбиты списки Лисенко Марфуша:

— 500. Лукаво улыбаются Дора Варанова:

— 700.

Попробуйте ее догнать!

Дора Варанова, коммуны украинской червоармейской коммуны «Узбор» в Ачинском районе, Западносибирского края вылет в день 700 снопов хлеба!

Мы ставим об этом в известность колхозную Украину, мы обьявляем об этом на всю Страну советом; мы докладываем об этом Центральному исполнительному комитету СССР.

Большой разговор идет в Сибирской тайге!

Зан. Сибирь
Сентябрь

обычная НОЧЬ

ю. данилов

Из вагона пригородного поезда выпрыгнул парень в юнштурмовке и, посмотрев по сторонам, решительно направился в вокзал. Я его сразу узнал. Да, конечно, это был Коля Смородин—комсомолец, в прошлом году посланный нашей ячейкой в Донбасс на шахту «Свобода».

Теперь он не тот балбурт и весельчак, лицо стало более серьезным. — Ты пришел Смородин, на куда едешь? Он быстро обернулся и несколько секунд пристально смотрел на меня. — Юрка! Чорт возьми, сразу и не узнал. Ты почему здесь? Куда едешь?—забрасывал он меня вопросами.

Оказывается Коля получил отпуск и едет к себе домой. Ехать нам пришлось в одном поезде. Подложки под голову мешок, Смородин вытнул нас во всю длину полки и, неожиданно рассмеявшись, сказал:

— Знаешь, Юрка, я вспомнил свои первые дни на шахте. Нам тогда наговорили кучу всяких страхов: обвал, взрыв, газы, заболевания... Один раз даже подумал: а не вернуться ли назад, пока живой, но вспомнил ячейку и выкинул все малодушие. Коля повернулся ко мне лицом и продолжал:

— А сейчас я так привык к своей шахте, к брате, уходило совсем не охота...

Хочешь, Юрка, расскажу тебе случай? Таких у нас бывает десятки и сотни.

Вышел ли ты зимой в Донбассе! Нет? Ну, значит, не знаешь, что такое степной буран. Так вот, в один из обычных зимних дней буран, начавшийся перед вечером, к ночи усиливался все больше. Сердито завывал ветер, наметая сугробы. В этот вечер у нас в ячейке должно было быть бюро с активом. Хотя в ячейку трудно попасть через горы снега, но, несмотря на это, весь актив собрался.

В кондоре слышен скрип мерзлых саног.
— Еще кто-то идет,—промокнул наш агитпроп и пошел навстречу товарищу.

Дверь широко распахнулась и, весь, в снегу, пулей влетел Иван, десятник грузунов.

— Ребята, скандал!

— Что? Какой? Где?—перебивая один другого, спрашивали комсомольцы.

— Не горячитесь, это прежде всего! Сейчас объясню. Дело в том, что грузники отказались грузить уголь в такую погоду и разошлись по домам. Известно, погода ларинная, грузить трудно. Но из этого положения нужно выйти, так как в восемь часов вечера поддут паровоз забирать груз, а у нас вагоны пустыю...

— Как же быть? Что делать?

— Давайте вместе обсудим...

На дворе буран бьет густым снегом в окна. В комнате мертвая тишина. Ее прервал агитпроп Васька.

— Ребята, нам нечего долго думать!—сказал он.

— У меня есть конкретное предложение: нас тут десять комсомольцев, да еще из мастерской мобилизуем нескольких и сами пойдем грузить.

— Правильно!—дружно ответила все.

— Так, гайда за спячками!

В комнате снова стало пусто, только рука чьей-то согнувшейся

над столом фигуры торопливо дописывала объявление. Через минуту на дверях ячейковой комнаты висел кусок бумаги:

бюро не будет
весь актив грузит уголь
приходите грузить

В комсомольском общежитии гомон. Б сушили громкий смех. Спешат скорее одеться.

— Ребята, готовы?—спросил Вася.

— Пошли!

И шестнадцать комсомольцев вышли из общежития. Итии трудно. От ветра со снегом дух захватывает. Наконец перед нами вырастают горы угля, покрытые снегом. На угольном складе нет ни одного человека. Начали работать. Руки примерзают к лопатке, ветер бьет в лицо и пронизывает насквозь одежду, но все же с каждой минутой угольная гора уменьшается.

Наш десятник Иван все время бегает около нас и учит, как нужно брать лопатой уголь.

Васька—агитпроп, грузит уголь впервые—он работает электромехаником—и никак не может овладеть этой простой наукой: берет всегда по пол-лопаты. Только я размахнулся, чтобы бросить уголь в вагон, как Васька, поскользнувшись, упал и весь мой уголь высыпался на него. Он отряхивается, уголь насыпается ему в уши, в нос, в рот.

В воздухе над нами поднялась метель угольной пыли, ст которой мы стали совсем черными. Узнаем друг друга только по голосу.

— Васька, иди-ка сюда!—зову я.

Подхватываем с Васькой тяжелый кусок, к которому примерзают наши руки, и тащим его в вагон.

— Раз, два... подбросили... готово...

И вагон, наполненный углем, откатываем дальше по рельсам, вместо него подводим новый.

Наконец Васька потащил последний кусок к вагону и весело крикнул:

— Братва, готово! Все, как один, вагоны нагружены!

Метель не стихает. Мы, путаясь в снегу после тяжелой работы, пошли в ламповую.

Паровоз прицепил нагруженные вагоны углем и повез, выбивая на рельсах такти...

Коля прервал рассказ. По вагону проходил проводник и, постучивая ключом по полкам, охрипшим голосом спрашивал:

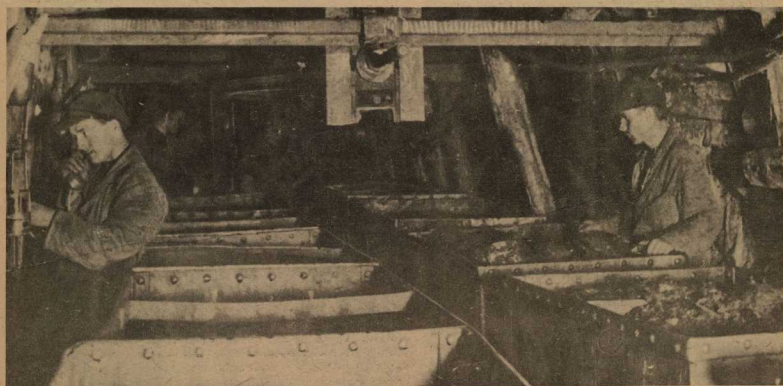
— Таганрог, граждане! Кто до Таганрога?

Смородин встал, проверил, крепко ли завязан мешок, и, одеваясь, заканчивал:

— Назавтра этот уголь будет уже на каком-то металлургическом заводе...

В окна вагона появились огни станции. Замедлив ход, поезд остановился.

Мы расстались. Но, зная, не навсегда. Когда я в следующий раз буду в Донбассе, снова встречу Колю на шахте «Свобода»—где он законтраговался до конца пятаетки.

Конечная станция механической откатки шахты «Свобода»

ВОЙНА В ХАРЛАНСКОМ ГРАФСТВЕ

ОМЕРК
АГРЕВЕ

Условия труда горнорабочих в угольных районах Соединенных штатов всегда были чрезвычайно тяжелы. В настоящее же время, в период острого экономического кризиса, когда угольная промышленность Америки сорвалась почти заво, положением рабочих стало еще хуже.

Почти все без исключения шахты угольных районов Иллинойса, Новоредо, Оклагомы, Огайо, Алабамы и Пенсильвании давно уже перешли на неполную рабочую неделю, выбросив на улицу больше трети занятых прежде рабочих. Почти половина всего рабочего населения этих районов находится без работы и обречена буквально на голодную смерть. Заработная плата, «счастливец», оставшихся на работе, урезана от 10 до 30% и нигде не покрывает даже голодного прожиточного минимума. Неудивительно, что за последнее время в этих районах одна за другой вспыхивают стачки.

Недавняя стачка в Харлане, в штате Кентукки, частично продолжающаяся и сейчас, является одной из наиболее крупных и показательных для той решимости и упорства, с какими голодные пролетарии вступают в борьбу с капитализмом.

1

Что такое Харлан или Эвартс, знали прежде только ученики в американских школах да владельцы угольных копей в штате Кентукки. Сейчас эти пункты для американского пролетариата являются синонимами самых ожесточенных классовых боев, когда-либо происходивших в стране со времени гаспской стачки 1928 года.

Буржуазия Америки очень обеспокоена событиями в Харланском графстве¹. Газеты поменьше и пожелтевшие именуя эти события «большевистским бунтом», откровенно призывая правительство стереть с лица земли весь бастующий район. Газеты последние, вроде «Нью-Йорк Таймс», пишут осторожно, уменьшая цифры убитых и раненых, но тоже отмечают, что положение чрезвычайно тревожное.

Конечно шавкаго «большевистского бунта» в Харлане не было. Просто измученные голодом и террором бастующие рабочие поднялись за винтовки, чтобы доказать свое право на работу и жизнь. В этой борьбе в первых рядах шла горничная молодежь, и в числе рабочих Эвартса, арестованных в настоящее время по обвинению в убийстве, бандитизме и заговоре против существующего строя, не мало таких, которым не исполнилось и двадцати лет.

Далеко не все спокойно сейчас в Харланском графстве. Район наводнен правительственными войсками. Больше 80 человек предается суду по обвинению в вышеуказанных преступлениях. Суд, который состоится в ближайшие дни, вынесет десятку новых смертных и каторжных приговоров. Американская буржуазия бросает вызов не только пролетарской Америке, но и пролетарской общественности всего мира.

2

Никто не слыхал об Эвартсе прежде. Это — маленький городок в центре Харланского графства, окруженный шахтами, принадлежащими акционерному угольному компаниям «Блэк Коал Маунтин», «Прибоди и Ко», коньеру Медсона и др. Город населен почти исключительно рабочими. Маленькие, грязные дома, тесные улицы, дворники, черные от угольной пыли. Теснота, нищета, грязь.

Но Эвартс замечателен тем, что это — единственный «свободный» город в районе. Он стоит на земле, принадлежащей правительству, а не угольным компаниям. Этим компаниям кругом принадлежат все: земля, шахты, уголь, лаваки. Но вот затерялся в этом царстве жемчуга уголь единственный независимый кусочек земли, данный в дни стачки почти 5 000 рабочим.

Обычное население Эвартса около тысячи человек. Но эта тысяча приводит еще четыре тысячи бастующих из соседних поселков холмистой, выброшенных на улицу из домов компаний, выгнанных полицией из шахт и земель компаний. Лавки в Эвартсе не принадлежат шахтовладельцам. Здесь горники могли выжить и бороться. И сюда обеспокоенное правительство прислало в конце концов артиллерию, кавалерию и газовые войска.

Условия труда в харланских шахтах ужасны. Шахты работали всего три, а то и два дня в неделю. Больше половины рабочего населения в районе было без работы, голодало, выставляя бесконечные часы у kiosков Красного креста в ожидании жалкой подачи благотворителей. Рабочая неделя полностью зарабатывала по 3 долларам в неделю, что даже одному хватало всего на 3 дня, а горники имели семьи, имели много голодных детей. Большую часть заработка рабочие получали тайными на право покупки товаров в лавках, принадлежащих шахтовладельцам. Но продукты в этих лавках стоили дороже, чем в частных магазинах Эвартса.

Стачка началась в конце апреля в шахтах «Блэк Маунтин». Предприниматели сократили заработную плату еще на 10%. За последние два года она урезывалась уже в шестой раз. В ответ на это возмущенные горники объявили забастовку, призывая всех рабочих из

соседних шахт последовать их примеру. Стачка началась стихийно через головы вождей местного союза горняков, входивших в «Американскую Федерацию труда». Им уже ничего не оставалось, как взять руководство стачкой для того, чтобы в скором времени вернуть предать ее. Но события оказались сложнее, чем они предполагали.

3

Деятельнейший Дэвид Клеменс, один из горняков, арестованных по обвинению в «бандитизме», рассказавший поставшему его сотруднику американской коммунистической газеты «Дэйли Уоркер»: — 20 000 человек бастовали по всем шахтам района. Мы в Эвартсе забастовали первыми, потом к нам присоединились товарищи из шахт Пибоди.

Всех, которые жили в домах, принадлежавших компании, вывели на другой же день и ребята переехали к нам в Эвартс. У нас стало еще теснее, в каждой комнате жило теперь по пять-шесть человек.

Через пару дней боссы объявили локаут, выкинули остальных рабочих и закрыли шахты. Мы жили. Еще через пять дней прибыли штрейбхеры. Вот тут-то и начался дела, которые всколыхнули все графство.

Больше всего нам досаждали стражики, полицейские компании, нанятые якобы для охраны шахт, а на самом деле для шпионажа за нами. Не мало мы от них потеряли. Если идешь безоружный по берегу реки, то какой-нибудь стражник обязательно заставит испускаться. Издевательство, которое мы видели от этих извергов, не было копейки.

Стражики, поинтов, охотки да терпели ну, а нам было нестерпимо. Однажды мы проучили одного из этих негодяев, а на другой день помоги товарищу Гарнеру прострелили плечо. Это было еще до стачки, ну, а когда стачка началась, то между нами и стражиками началась настоящая война.

Дэвид Клеменс подробно рассказал о событиях, предшествовавших двум знаменитым боям под Эвартсом. Сашком много времени ушло бы на перечисление всех издевательств. В конце концов, особенно когда в район прибыли штрейбхеры из Чикаго, терпение рабочих окончательно истощилось.

Шахты Харланского района охранялись стражиками, так называемой «железо-угольной полицией», бесчинства которой вызвали в свое время запросы в сенате. Но, хотя полиция эта, наименее шахтовладельцами для домашнего суда и расправы на территории шахт, была запрещена особым правительственным распоряжением, она тем не менее существует и до сих пор во всех угольных районах Америки под видом якобы охраны шахт. В Харлане таких стражики было больше ста человек. Все это были явные бандиты и хулиганы, набранные местным шерифом из поддонок Чикаго и Питтсбурга. Фактически они могли делать все, что им угодно, оставаясь безнаказанными. Они выбрасывали рабочих из домов компаний, если те задерживали плату за квартиру, оскорбляли и избивали их, если те пытались протестовать. Вооруженные до зубов, они были поинтами хозяевами шахт. Ни одно обвинение против них не рассматривалось судьями, кстати тоже состоящим на жалованьи у шахтовладельцев.

Когда началась стачка, а за ней локаут, рабочим пришлось взяться за винтовки. Все пикеты у шахт были вооружены. Безоружному выходить к шахтам не имело смысла, — его могли подстрелить, как цыпленка. Только значительные группы вооруженных рабочих заставляли стражики бить осторожнее. Рабочие были озабочены до крайности, и маленькая искра могла вызвать пожар.

¹ В Америке штаты разделяются на районы, именуемые графствами.

² Традиционная профсоюзная организация в Америке, охватывающая пока еще значительную массу рабочих.

В конце апреля, — рассказывает Клеменс, — он и два его товарища — Грегори и Берис — возвращались по дороге от шахт Страй-Крика домой в Эварте. В полуночи от города по ним открыли стрельбу. Клеменс вскинул винтовку и дал два выстрела по нападавшим. Одна из его пуль легко ранила стражника Эстес Кокс.

Это было начало. Ночью на поселок напала банда стражников под командой самого шерифа. Они врвались в дома, выволокали женщин и детей на улицу, переворачивали все вверх дном.

— Где оружие?

Один из рабочих, Мильяр Лэиб, был арестован и обвинен в покушении на убийство стражника. Тут у людей лопнуло терпение.

— Вон отсюда! — раздались крики.

— Гоните негодяев!

Затрещали выстрелы. Улица понемногу наполнилась вооруженными рабочими. Перестрелка росла. Вскоре вспыхнули подожженные кем-то из худангонов дома. В квартале начался паника, которой и воспользовались нападавшие. Под покровом ночи, разгоряющегося пожара и растущей на улице суматохи они отступили.

Сгорело одиннадцать домов. Десятки семей остались без крова на улице. Тут уже сами бандиты поняли, что зыщан слишком далеко. Но было уже поздно.

Дня через два на дороге к шахтам был арестован метр Робертсон, рабочий шахты Блю Доймонд. Узнав об этом, толпа горняков, стоявших в пикете у ближайшей шахты, бросилась на помощь товарищу. Полицейские отступили на территорию шахт.

— Было темно, — рассказывает Клеменс, — и стражникам удалось проскользнуть на склад, где хранилось оружие. Забаррикадовавшись, они открыли по рабочим пулеметный огонь. Но те были все молодежь, горячие и смелые парни. Они не испугались пулеметов. Кое-кто из них был ранен, кто убит, но остальных не отступили. Склад был окружен и атакован со всех сторон. Озабоченные рабочие, не обращая внимания на стрельбу, прорвались к дверям, взломали их и в несколько минут выбили оттуда стражников.

Трофеями боя оказались шесть пулеметов, которые и были в тот же вечер доставлены в город.

Б

Первый бой принес победу рабочим, и компания готовилась к ответной атаке. На другой день в район прибыла партия штрейкбрехеров из Чикаго. Узнав об этом, бастующие горняки заняли дорогу в полуночи от шахт, перегородили ее камнями и бревнами, поставили пулеметы и подготовились дорого продать свое право на жизнь и труд.

В восемь часов утра по дороге показались грузовики, наполненные стражниками, вооруженными до зубов. Инструкции, данные им, гласили: прорвать баррикады, разгромить пикеты и, заняв дорогу, пропустить в шахты штрейкбрехеров.

Клеменс, дравшийся под Эвартом вместе со своим отцом, рассказывает:

— Они остановили машины в шахтах в ста от нас, поставили грузовики рядом, вплотную друг к другу и разделились. Часть их осталась у пулеметов на грузовиках, большинство же, вооруженные газовыми бомбами, рассыпалось по траве вдоль дороги, рассчитывая, очевидно, подойти к нам под прикрытием пулеметного огня. Помню, Джо, мой приятель, который лежал с винтовкой в руках рядом со мной, сказал:

— Попробуем сбить тех, что на грузовиках. А наши выйдутся остальными.

— Мы умели стрелять. У пулеметов были мой отец, Кара Ричмонд, Даниэльс и горняки с шахты Блю Даймонд. Кое-кто научился обращаться с пулеметом в окнах в 18-м году, кое-кто научился здесь. Нужда научит.

Сразу затрещали пулеметы — наши и противника. Пули свистели и пели над головами. И если бы не наши баррикады, нам бы не остаться в живых. Стражники осторожно приближались. Они, видимо, были смущены нашим пулеметным огнем, хотя мы с привычкой брали то слишком высоко, то слишком низко. С винтовками обстояло плохо. Ребята стреляли метко, и скоро тем пришлось ставить новую смену к пулеметам. Жаркий бой. Отец мой был ранен в плечо, Джо убит, Даниэльс и Кортр тоже. Но и с их стороны свалилось не мало.

Целых полтора часа продолжался бой. По словам Клеменса, трупы нападающих лежали вдоль дороги десятками. Горняки по-

страдали меньше. Пулеметы противника ничего не могли сделать с баррикадой. Разнести ее могла бы только артиллерия.

В конце концов остатки полицейских, даже не подобранных трупы, отступили на одном из грузовиков, другие машины были выведены из строя пулеметным огнем бастующих.

Второй бой вызвал форменную панику в районе. Жители окружающих поселков, администрация шахт, торговцы, чиновники пришли в ужас. К губернатору полетели телеграммы. Газеты Харлана звали о большевистском бунте, о революции; о красной опасности. Внушительных размеров петиция, подписанная дрожащей рукой профессиональных лидеров, шерифа, судьи и большинства «уважаемых граждан», требовала срочной присылки войск для восстановления «справедливости и порядка».

Через несколько дней в район прибыли две артиллерийские батареи, один кавалерийский дивизион и большой отряд пехоты милиции. Войска, встретившие ликованием перепуганных жителей обывателей, заняли все дороги, шахты, поселки и улицы. Первое время горняки наделись, что войска разгонят и разоружат банды стражников, но вышло как раз наоборот. Вся тяжесть террора обрушилась на рабочих. Район был объявлен на военном положении. Всякие собрания, митинги, скопления на улице были запрещены. Повсюду шли обыски, обыск, аресты. Штрейкбрехеры работали на шахтах под охраной войск. Всякая попытка выставить пикет ликвидировалась войсками. Вооруженный рабочий не имел права появляться на улице: его ждал арест и обвинение в «бандитизме».

В то же время стражники остались беззащитными. Ни один из них не был даже арестован, ни у одного не было отобрано оружие.

Этот террор творится в районе под явным покровительством самого губернатора штата Кентукки. Губернатор, приняв делегацию харланских горняков, категорически заявил ей:

— Наша задача — успокоить сагитированные большевистскими агентами массы. Большинство тех, кто не хочет работать и не позволяет другим пойти на работу, принадлежит к этим незаконным, преступным обществам, называемым коммунистами и комсомольцами. Я предупреждаю вас, что мы будем беспощадны, если ваши действия в шахте не прекратятся.

Губернатору Сэмсон не дают спать лавры его коллеги Фуллера, казнившего в свое время Сакко и Ванцетти. Сэмсон мечтает о процессе, который окончательно сокрушит крамолу в штате. Уже судебно-административная машина американского правосудия заработала. Известный всем, как неирримируемый враг горнорабочих, провалявших его в свое время на выборах, судья Джонс готовит процесс, в котором на скамью подсудимых сядет 29 человек по обвинению в убийстве и больше 50 — по обвинению в заговоре и бандитизме. Среди них ни одного стражника.

Однако, стачка, во многих шахтах частично ликвидированная террором, еще не окончилась. Наоборот, она переносится в другие места. Завалоставы горняки соседних районов: штата Пенсильвания, в шахтах Кунона близ Питтсбурга, в шахтах «Экшен-Коал Компани» и др. На террор буржуазных горняков Харлана и других районов отвечают мощными демонстрациями протеста. Несмотря на то, что город наводнен войсками, демонстрация в Эварте собрала свыше 1000 человек.

День процесса будет дном новых массовых демонстраций, новых классовых боев, в которых американский пролетариат будет защищать своих харланских товарищей.

Примечание: Последние телеграммы принесли сведения, что стачка объявлена уже весь центральный угольный район. В штатах Пенсильвания и Огайо бастуют свыше 32 000 горняков. В районах стачки посланы крупные военные силы.

ОБЪЕКТИВНАЯ ПРИЧИНА Д. Прокофьев

...В морозном воздухе фабричный гудок востанной звучит. Кажется, нет нигде предела его хриловатому голосу. Схватившие морозцем душки бьются на солнце осколками узорчатых стекол и хрустят под сапогами. Обязью было потерпеть, — будто бы оно покрылось тоненьким слоем льда. Свирина отбывает работный план и берет в него подбородок, приседая в чужой воронки. Но зловит палыды, и он опускает руку в карман. Еще не успел нацугнуть эвенешие медяки, как попустило, — что кто-то его схватил под руку. Свист, в ногу, шаг! Прохоров. Коротенький нос его, с тремя прыщичками на переносице, обскверился от мороза вонесом. Пухлые веки чмокнули.

— А ты тебя кому выдвигать на соревнование! — просто сказал Прохоров, как бы продолжая раньше начатый разговор. — Ты согласен? Свирина никак не ожидал такого наскока. Он поглядел в окрестных озорные глаза, муть-чуть светящиеся зеленым, и опять сомкнул концы воронки. Одновременно с выдохом паря, пригнувшись сказал: — Зачем это?

— Вот здорово! — не теряя шутливого тона, почти кричит Прохоров, и шутливо толкает Свирина. От неожиданности тот сильно качнулся, припрыгнул на одной ноге, выронил свечеток завтрака. Пакет лопнул, из дыры вывалился кусок черной пыли и огуры, — лопнула и карманная записка, и тут же оказалась неудачей. Прохоров кинулся помогать Свирину. Но тот одной ладью нахмыл пакет, дернул и стал досадно пыхать его в измазанный карман платья.

Свирина тяжело выругалась и прибавил шагу. Прохоров едва поспевая за ним. Хотел заговорить, но никак не завязывался разговор. Свирина только отступала. У фабкома толпились рабочие. Поделившись на группы, шумно спорили. Председатель цехпрофкома стоял у входной двери и что-то упорно доказывал. Длинные пальцы рук плавали над головами окрестных его рабочих, словно он был гипнотизатором. Вдоль ладных неслышно исчислял шаг, он пошатнулся к стене, — дверь отворилась, и выслушал чья-то болтушью голову.

— Заходи... Открываем собрание!

В это время Свирина и Прохоров подходили к крыльцу: рабочие уже подсыпали к двери — они невольно разошлись. Свирина шаг был переполюс. Люди прохаживали вперед как-то вяло, сначала прощупали руки, затем ладони, а ноги невидимо, словно резинные, подбирался к юрчавшим туловищам. Первое слово взяла секретарь цеховой партячейки. Говорила мало. Всем было известно, что девятый комплект самый отсталый из тактовой фабрики. Выработка последнего месяца равна шестидесяти девяти процентам. Больше всего отставания в бригадах, работающих в брак. За такую работкущю обещают комплекту рогожное звание и черную заску.

— ...мы должны доказать, что девятый комплект умеет по-ударному работать и выполнять нормы! Смыслится на объективные причины нельзя, — все зависит от нас, товарищи. Шире развертывая работу, расширяя возможности, необходимо добиться в этом же месяце выполнения производственных и перевыполнения! Трудно было в тесноте двигать руками, но все-таки похлопали словом секретаря. Никому не хотелось поучать рогожного знаменца, ити за поучал в черную заску, остать от всех рабочих фабрики. И, выступая один за другим, рабочие давали обязательства ликвидировать обозначившиеся прома, работать «на все сто», Заванчивали тем, что, вступая в каку-нибудь бригаду, вызвали кроме того друг друга на индивидуальное соревнование.

Когда Прохоров добился слова, он объявил:

— Вызываю на соревнование Свирина! Обещано, перевыполнять нормы.

На Свирина посмотрело множество глаз. Чувствуя на себе ожажданные взгляды, он поднялся, громыхнул в карман медяками, ответил:

— Вызов принимаю...

Секретарствующий не успевая записать. А когда рука начала ставить усталые буквы, раздался второй гудок. Толкался и объявил, что пора уходить. Стая и стал прощаться его рогичком, чуть нервным, движением. Присудренными уголками жидких глаз Прохоров наблюдал за Свириным и все ждал удобной минуты, чтобы с ним заговорить. Когда случай выдался, он сказал:

— Нам надо внести нормировочные таблички на стенка и каждый день записывать, как они выполняются. Так удобнее для учета! Свирина, будто бы нарочно, отошел, а потом снова шум стаяков крикнул: — Ладно...

Больше ничего не сказал. А то, что буркнул себе под нос, заглушили стаяком. Он повоил, что немного погоричался. Хотя и не мог никак припомнить причину отхода. Но тогда подумалось инаме: «Может быть и забудется. Ну, покорила, вывалял друг друга, записали, — но вспомнит ли об этом? Забудется, может быть?»

Оказывается, не забыл. Подтвердилась и поговария: что написано пером, то не вырубится топором. Свирина теперь почувствовала смысл этой поговария: гудок, весь шумом. В нем что-то лопнуло, как с огурками пакет и выкатилась большая обидка. То, что было написано на черной доске, уже нельзя было одним стереть. Плотным потоком, наступая передним на пятки, вдоль коридора идут рабочие на смену. Свирина видит, как все головы, тоно

ло команде, поворачивают шаправо и читают на квадратной фанерной доске его фамилию. Потому и не вырубят ее топором, что теперь в комплекте все уже знают об этом.

Свирина не боится, который занимался высланием этого случая. «Вызову ладут? — ладно. Шесю не отгнет выговор. Зашипут в протокола, а потом — забудут. Как всегда...» Он мог даже передать заранее весь разговор, который затеет секретарь ячейки, бесконечный рыжий пареня.

— ...достоинства, Егор! Никакого примера нет. Как же так? Ты комсомолец, а вылетелся хвост! Беспартийный что скажут, если мы будем срывать выполнение плана, увеличивая брак, простоя станков? Вызов мало принять, — надо его заработать. А ты волишьши, Свирина. Дисциплину где-то растерял. Смотри, последнее предупреждение. Не исправился! — возмем у тебя комсомольский билет! — Ну и черт с тобой, — досадно вырвалось у Свирина, как будто этим он отвечал минным словам секретаря комсомольской ячейки. — Я виноват, что у Прохорова лучше стаянки? — И сейчас же перебила себя: — Маху дал, значит, — виноват. Тоторился, хотел что-то по-лому сказать, а теперь вот сижу на черной доске! — упрекнула он себя за неудачу.

Свирина вернулся, обидку полукругом, и снова прошла мимо большой фанерной доски, выкрашенной черной эмалью. Ошибки не предвиделось. Буквы образованы востанно фамилию: Свирина. А чуть поодаль, на быт выделенная из двух с, поставленных друг на друга, стояла буква Е. Все было правильно. И потому пришла обидка: большая и вдруг. А всех виноватое здесь был Прохоров, обронивший имя своего индивидуального социалистического соревнования.

С черным удовольствием всел! — гогоч, закричит Печел. Он одним уже в выдуванную им ага фразой начинает ходить наравне с размерной монетой. А Прохоров скривил жидкие глаза, прикрив пухлыми веками, небрежно скажет: — Достукался!...

Свирина миновала комплект, обонув отдел фабзайчат и направилась в северный корпус фабрики. Грачев, секретарь комсомольской ячейки, возился над шальным челюком. Обезумев, челюк вгрялся в пологую и наделал мохнатых прогалин. Грачев свывался шти основы, как все терпение.

Хреновина получалась вот, — сказала он поадошемию Свирину. Потом вскинула на него рыдатель, без реснички, с широко распахнутыми веками глаза, вспоминая: — Ты чей шильдеш? Бедь твою смена работает!

— По делу пришел, — отовался Свирина, совсем нежиданный такой встречи. — На черную записал!...

— Значит, заработал!

— Неправильно это, — Выработку переругали?

— Нет, — не записали зря! Грачев отмахнулся.

— Сейчас некогда разговаривать. Надо работать. Зачем бросаю стаянки — ошны размыгивать. Можно и после... У меня совсем челюк все поелото, как крот, зарыл. Иди, иди... Зайдешь после работы в фабком. Погудаму. Я там буду. Катись!...

Того не случилось, что предлагала Свирина. В комплекте приняла молчицею да косыми взглядами. Криво ничего не было. Только стараякляшка свои ладные уссы, не вытерпела: — Где пропалась-то? Или зави мастеру. — Потом переругал: — Не надо уж, — мы стаянки-то пустими, работают они!

Не переделався, прямо в клетчатом костюме встал Свирина за стаянки. И так проработал до гудка, ни с кем не разговаривая, вернившись, срывая на Прохорова большую обиду. После гудка Свирина заторпился в фабком. Он еще не успел одеться подмалых людей, как вслед за ним пришел и Грачев. Грачев пошел к председателю фабкома и предложил Свирину:

— Выглядывай, — а сам тем временем наскоро стая обьявил председателю причину свириной забывки.

Не скоро бы кончал Егор: уже очень монотонно выкладывал он свои соображения. Поживалка вокруг да около, а самого нужного забывал. Чутуно, председатель фабкома, напомнил ему:

— В чем же ты причину-то видишь? Прохоров дает выработку сверх нормы, а ты... Чутуно хотел назвать шифро его выработку, но, вспомнив, что не знает ее, досказал как умел: — а ты получаешь несельность, какая-то?

— ...причину? — Свирина только теперь поняла, что раньше он как-то и не подумал о причине: — за что занесла его на черную доску.

На минуту замешкался. Ваять сейчас на Прохорова обиду свою неслась. Он повоил, что. А дружок было бы и не находилось. Жаловаться же на самого себя просто глупо; не стоило бы затевать волячки... Но причину все-таки надо было найти, и Свирина нашел ее.

— Стаяки у меня микшудилишней! — и догадался, что причина довольно прочная и всякая. — Прохоров-то работает на ремонтных станках, а я в отдел сказал — на развалных каких-то! От этого и недо-дыработал...

Грачев перевел на хинское слова Егора:

— В общем, объективная причина?

— Стаяки, — настоябно логорича Свирина.

— Ты сам виноват, и ничего рая не видишь? Егор оглянулся с огурами. За ладном стоял Прохоров. Терпение лопнуло, как пакет с огурками.

— Возьми сработай на них!.. Попробуй! Третья-то всякий может!

— Ладно, — нежиданно согласился Прохоров, — Берусь пятигуную работать на ремонтных станках. А ты увидишь!

Свирина совсем не хотела этого. Но шиль подождовал на себя. Мысленно сказал:

— Погоричался, как тогда, на комплект! — Вдлух принесне другое: — Давай поменяем! — Хотел еще сказать что-то, что поклобато

Тонуда в садах вишневых кубанская станция Уюрта. Просторные казачьи хаты грибами бедали из туши зелени, поводящей друг на друга через широкую улицу. Привольно стеллась станция. Широкие улицы с окнами к середине ширились, кончаясь большой площадью.

— От хаты да хаты голоса не чут,—говорил станичник.—А как на бег глядишь, той хаты не вбачишь.

Коротало свои дни лето. Ночи и утренние зори стали прохладными. Последними жаркими поцелуями деловало солнце землю. В мажарах, пшеницей накрытая, на степи в станцию армянской халоборды осень.

— Живая, как в степи люди, так на небе? Живая,—говорят уюртацы.

О. Больше клочку тут стадам без пастухов по небу шатают. То они все вместе в одну сторону гудят, то сразу, как вслугунные, по всему небу разбегутся, чтоб в осень, спенившись вместе, брызнуть на землю дождем. И люди так выедут из станицы дружно, потом сразу по степи рассыпятся, забегают, и целый день одиночками ездят.

Хороший в этом году урожай. Под борник струнги степь жнейки колхоза уюртацкого «Красный станичник». Вслед за жейками, вдавленная в землю колочую стерню, выставив, как ребра грядки, мелансно ходили бокастые мажары, подбирая пшеницу, отвозили к молотилкам.

50 молотильных курей-бригад рассыпал по степи колхоз «Красный станичник». Грибами после дождя росли возле них стога пшеницы. Спорная работа на молотилках. Только 39-я отставала.

— Куда спешит? Успейте!

— Не спешила 39-я, зато спешила правление колхоза и коллектив комсомола поскорей обмотать закончить.

Нельзя допустить, чтобы молотилка и паровик выдерживали 39-ю долгие и будет работать,—решило комсомольское бюро и организовало молодежную бригаду. Нехватало людей, из других курей шесть стариков добывали. Копались в паровике и молотилке ребята—нааживали.

— А хреновая, слышь, у нас молотилка. Больше 10 тонн в две смены не выработает.— Жили из нее вымотают, а 15 выработят.

— Потрепана здорово. Она из нас жила вытнет, это верно,—сказал Гривша Горега.

— Хорошо, когда плохой струмент, большой работа делай. Новый струмент каждый дурак может делать,—ответил пер Нур.

— Объявим себя ударной бригадой и вызовем на соревнование 38-й курей,—предложил Борька.

— Правильно! Дашь 38-й Там станичник дружнее! Послать туда Нура, он напористый, пусть договорится.

— Поезжай Нур, да смотри. Молотилка у них справная, привезла 14 тонн даст. Предложил им 16½ к себе. Не выдержит 15 по 15 обоем. Понял, ну поставил Нура ребята.

Сидевшие все время молча старик поднимались решительности Прохорова, но ничего не придумал. Только самоуверенно (это была зарпачная самоуверенность) заявил:—Все равно не сработает шарму!

Через день Прохоров начал работу на стайках Свирина. Весь коллектив следил за ним.

— Сработает ли шарму? Первая смена выдалась неудачной: на двух станках меняли након. Но в выходные необходимого простоя все-таки получалось, что в работе Свирина станков намателся перелом. Это подтвердилось на другой же день. А следующий день подтвердил еще больше прохоровскую уверенность: цифра выработки с восьмидесяти семи подвинулась к девяносто шести. На четвертый выход норма была превышена.

Еще не дождавшись озончания пятидневки, Свирина предложил Прохорову:

— Давай уж передем вояк на свои станки. Чего в бирюльки поигрывать? Прохоров отказался. А после смены Свирина позвали в ком. Как с ним говорил Гривша, так и стало известным в коллекте. Но было ясно—там лагурили его предупреждениями.

лись и вместе с ребятами обсуждали план работы, расстановку сил.

— Не выдать 38-й, в запад их загнать,—говорил дед Павло.

— Сами не запалитесь,—злорадствовала Куш.

— Ты, Пашка, вроде не наш. Нету у тебя задору, молодого казачьего. Батюка твой ширый рыбак был, в руках все горело, а ты недостепа выдалась,—ответил дед.

В 38-й бригаде шло собрание. Нур доказывал необходимость соревнования.

— На что соревнование, мы и без него не падем,—протестовал.

— Хорошо. Лучше падо. Ударник пада,—кричала Нур.

— Куда вы, жейки, лезете. Ведь мы лучший курей в степи. Больше нас никто не намолотит, и не намолотит. Разве вы сами сравнитесь. 29-й курей как раз по нас.

— Зачем плохой курей, Лучий пада. Давай так: 16½ тонн вам, 15 нам. Доло спорили, наконец договорились: 38-й и 29-й обрели по 15 тонн.

Расходясь, старики из 38-й бригады говорили:

— Это как бы война, только раньше с корнямицами, а теперь с сыновьями. Корнямицам сыпала и сыновей на молотье за пояс затнем.

— Война, так война. Сидайся, хлопцы, пидуть на пузах мотужи.

Забегал Борька, засуетился.

— Чтб им провалиться. Молоко что ли возят, разработать боится. Эй, вы, двое со скирды к подвозкам на помощь. Отстае мотем,— шипела на скирду волные тревоги слова Борька.

Через час ребята, со скирды привезшие пшеницу, рассказывали:

Идем, стаял мажара Горегого и Куша. Думали, пидобьет отличиться куда-то, палать залегли. Тада, сюда—чет. Наожили и привезли. Наверное, удрали.

— Может, верно, отлучились куда.

— Мало ли что может случиться.

— Соревнование случалось, не по нутру ни и удрали.

— 3-й, и без них обидедем. Лучше давайте наверстаем простой,—сказал дед Павло. Прошел обед, закончивая работу вторая смена, а Горегого с Кушем не было. Было ясно, что дезертировали. Курей обсуждал их поступок.

— Исключить их из комсомола,—единодушно заявили бригадники.

— Принимаю меня. Комсомол хочу,—заявил выступивший Нур.

— И меня, и меня,—стали рядом с ними еще трое ребят.

— Голосу. Единголасно,—заявила Борька и продолжал.—Теперь наш курей комсомольский. Последние ребята приняты.

— Добрые хлопцы, и я за их голосую. Может и стариков примете,—добавил дед Павло.

— Пример, чего не принять. Хоть один лимский комсомолец будет.

— Шутки-шутки, а хост набок. Я тоже хо-

чу себе причал найти. Нур найшов, причалылся, а мы,—кричала дед стариком.—Мы худеб. Не плавать же нам всю жизнь, когда то и к берегу надо причалиться.

— В партию вам,—ответил ребята.

— Верно, не стоять же в стороне, когда да о чем вам говорить,—сам заяште.

Война была объявлена. Враги объявились парламентариями, которые, работая в чужой бригаде, должны следить за выработкой. Бой начался. В две смены за отработку пшеницы стучали молотилки, стелили в землю миллионами пшеничных пуд—зерн. Каждый из противников думал одно: Мы лиан они. Кто больше?

Первые два дня были равными—по 10 тонн. — Приналеж! Не выдать!—кричала молотилка.

— Вот Бисова хлопучи, не отстают. Все равно больше нас, пусть хотя доунут, не сделают. Будут знать кого трогать.

На третий день с 38-й—12 тонн! Жалзи отстали.

— 12½!—ответила молодежная.

— 13!—кричала 38-я.

— 13!—получила ответ с 39-й.

— 14!—ответила молодежная.

Равносы старика, да живое задело.

— Чтб мы отстаи. Да ни в жисть,—и на следующий день работало:

— 14½!

— 15!

— Какие же мы кубачи, если нас сод... перешершил!—выходя из себя, кричал 17-й тизан Юхим.—А если вправду воевать пидеться, тогда что? Надинь, станичник!

Как ни худели 38-я, а отстала. Не могла достигать. Угнужался и 17-й, догонял 38-ю. За 17-й погнался 4-я, а потом 13-я, и так все гнались еще за дружкой то обгоняя, то отставая. Впереди шла 39-я, молодежная. Злились на 38-ю, спорили друг с другом, а достигать не могли. Пороху нехватало.

14, 12, 15, 11, 14½, 15! пригали от курей к курью выработанные тонны.

Одной мысляю жила молодежь. Ни грамма не сдать назад. В самом разгаре работы не стали хватать мешков. Организовали конвейер—вешала молодежь, а за ней 38-я и остальные. Тесьмой серой легла по живью степному дорожку а элеватору. Мешков стало хватать. Бой продолжался.

Особо от бригады жили Горега и Куш. Всегда были вместе, о чем-то шептались, к чему-то готовились. Ночью, когда все уснуло, из под скирды можно было слышать тихий шопот:

— Значит завтра.

— Даю, с подвозки.

Часто стучала молотилка. Кинела работ. Вдур перебой. Голота огненным трем солом, не своим колхозом заорал локомотив.

Дава-ай! Под-о-дава-а-ай!

Выходя из комнаты ячелки, Свирина подвинулся давнишней своей догадке.

—...как же так?—сочинил он разговор с секретарем жейки.—Ты комсомолец, а плетешься в хвост! Бесартичные кто скажут, если мы будем срывать выполнение плана, увеличивая брак, простои станков? А ты волинщик, Свирина. Дисциплину растера. Старики, последние тебе предупреждение. Не бросьшь симулянтство—возьмем у тебя комсомольский билет!.—Егор тогда не обидись. Гривша это и сказал именно. Но только добавь!—Скалывай нечто на объективные причины. Ты виноват, а не станки. Прохоров доказал тебе... «Опять этот Прохоров!—злбно подумал Свирина.—Везде им тычат... пример какой!»

Наступила вторая пятидневка. Опять по широкому коридору центрального корпуса... толкались и обгоняли друг друга, шли рабочие. И как и то памятное утро поворачивали головки направо, но на этой доске уже нельзя было прочесть фамилии Свирина. На этой раз его подвели станки. А может быть, он стал к ним относиться иначе. Выработка торопилась к цифре сто. Большая обидя тада, тава... А столкнувшись в дверях с Прохоровым, он приветливо сказал:

— Здорово, Семент!—и пожал ему руку.

Ф О К И Н И БАШМАКОВ СОРОКИН

Очерк В. Турова

На окраине Москвы выросли огромные бетонные корпуса завода «Красный пролетарий». Новенькие станки выстроились в цехах черными рядами. Вступив в строй индустрии и сделав первые шаги, завод сплотнулся. И со стел и забора кричали тревожные строки: «В дизельном цехе прорыв! Агрессивный стан выполнен на 42%».

Шукарев, зав. дизельным цехом, недоумевал, почему лезем. Строгий приказ о выполнении плана. Позовите всех мастеров и 40 рабочих объявите выговор. Сныты с работы техники. Сам он «перестраивается» сидит в цехе до пяти, тогда как при хозяйстве на старом заводе сидел по 2-3 часа. Что еще? Шукарев придерживался правила—быть грозным. Рабочие шаркались от него. Однажды он выгнал из своей котурки председателя цехкома. В цехе появилась редко. Когда докладывали об аварии—посылал людей и сам в котурке ждал рапорта.

Привезли и установили новые станки. Шукарев прошелся между ними, с видом знатока потыкал пальцем в шестерни и шпелты—ознакомление было закончено. Потом вылезли из станков—он не знал, приехали ли об ремонте писак наугад. Шукарев ждал замкнуто. Вспринул после обеда, он вытаскивал потрешанные романы Жюль Верна и погружался в чтение до поздней ночи. Шукарев удивился, когда его сняли.

В цех пришел Фокин—один из новых инженеров, бывший токарь. После 8 лет трудной учебы он попал в дизельный цех. Осмотрел станки, провел беседы с рабочими. Было ясно, что рабочие чужды запуганы Шукаревым. Станки расставлялись несерьезно, мощность их недоучтена на... 60 проц. Производственного обучения нет.

Токарь разной квалификации получают зарплату. Фокин выполнил план первоочередных мероприятий. Шесть рабочих выдвинули инструкторами. В каждой бригаде введены ежедневные производственные совещания. Собрано 120 рационализаторских предложений—в бюро заводской общественности.

Вместе с рабочими разработана сделанная. Предложение о замене баббита другим составом осуществлено в декаду. Симонов, токарь, предложил ввести многоменность. Рабочие сами испытывали и выдавали новые станки. Когда токарю Чинакову отказали от работы, его судил общественный суд. «Не место Чинакову на заводе», сказал суд. И с той поры имя Чинакова стало позорным. Судилим двух прогульщиков. Только два выговора, а в цехе резкий перелом.

Секрет победы Фокина прост—борьба за план в контакте с рабочей общественностью, мобилизовать энергию. Этими качествами, наряду с хорошим знанием производства, должен обладать каждый наш инженер.

Знаете ли вы, г. Шукарев, на что способны рабочие, которых вы так презирали?

Шахтеры-монгольцы

Работа инженера Пети Башмакова началась в 1927 г. на заводе им. Лепсе, куда он поступил саесарем. Через год—Башмаков настраивал станки. Днем он в цеху, а ночью за книжками—учился в техникуме. Соизнается, г. Шукарев, вы ведь совсем не так обучались.

Башмакова бесила частая поломка станков. В цехе все 108 рабочих были новичками. Он принял героическое решение: ознакомить каждого новичка со станком. И каждый раз после гулда у станков собирався оживленно гаддащие кучки: Петя объясняет станок, приемы, организацию работы. 62 чел. сейчас работают квалифицированными товарищами, 6—выдвинуты в мастера. В 1929 году Башмаков уже мастер механического цеха. В цехе—первобытный хаос: станки разбросаны, процессы перепутаны, завалены проходы. Пета убеждает: надо ввести поточную систему!

Месяц в цехе стоял грохот, гам (переставляли 54 станка), но потом пошли другие темы. Если раньше детали проходила 25 метров,—теперь проходят 6-7. Одна реформа потянула за собой десятки улучшений, ввели стандартные резцы, на 12 операций сократили обработку деталей мотора. В эти дни задание цеху было повышено на 24 проц.

Башмакова охватило бешенство работы. Подучил завние техника и побывав за границей, он поработал исключительной работоспособностью: организовал отаед подготовки и инструментальную и одновременно разработал 18 крупнейших поправок к электромоторам. Создал опытную мастерскую. Предварительные испытания здесь, новых моторов предугадали огромные затраты—мотор Штеера оказался негодным. Наоборот, текстильные веретена доведены до совершенства.

Но самая крупная победа Башмакова—отмена проекта нового цеха текстильных моторов. Пета был за границей, когда утвердил этот проект. Просматривая чертеж после приезда, он обмелел от удивления: нет потоков, нет транспортеров. И это в новом цехе! Башмаков потрешала отмена проекта.

Бой был неравный, но короткий. Заштатки проекта терпели: проект хромал. Башмаков доказал: спутаны все процессы, не рассчитаны потоки деталей. Выставили последний довод: нет других проектов! Вместо ответа Башмаков составил новый проект в две недели: по-новому расставил станки, выпрямил потоки. Начал он с того, что упростила детали текстильного электромотора, который будет выработаться в новом цехе. Лишними оказались до 20 станков—так сэкономили он 120 000 руб. валюты. Активное вмешательство в разработку технических вопросов, настойчивое внедрение но-

вых методов (автоматизм, конвейер, электрификация)—вот вторая отличительная черта подлинно нового инженера.

Бодрые, энергичные люди подсели к колбам и микроскопам. По-новому потекла жизнь в огромных лабораториях научных институтов. Рабочий пришел в науку. Из 24 000 научных работников—20 000 пролетариев. Вот Соркина—дочь железнодорожного машиниста, зав. ведущая биохимической лабораторией института агрономоведения.

Соркина не только освоила аппараты—она уже поставила ряд крупных вопросов, имеющих большое значение для социалистического земледелия. Например искусственное засоление почвы. На основании ее выводов для каждой почвы устанавливается правильный режим питания солями. Скоро будет разрешен вопрос о произрастании растений в соленчаках. Теперь, когда в этих стенах накопился анализ «решительно всех почв, институт на основании опытов лабораторий Соркиной выдвигает грандиозную задачу—по-всему лицу советской земли повально перераспределить растительный покров. Поискомую Соркина вместе с товарищами добралась до главного—до методов исследования почвы. До 1930 г. господствовал буржуазный метод исследования: почву рассматривали как товар и химически истощали, равняли на интересы мелкого собственника, кулака. Кроме того, буржуазные методы исследования только констатировали процессы, происходящие в земле, но не пытались активно в них вмешаться.

Молодые ученые института агрономоведения дали бой по всем направлениям. Взяв твердый курс на общесоциальное, крупное, с научной эксплуатацией почвы хозяйство. Выработали ряд методов (в том числе режим питания), активно воздействующих на процессы, происходящие в почве.

Они идут и улорно дерутся за свое место в цехах и лабораториях—пискии Фокинских, Башмаковских, Соркиных. В промышленности уже работает инженер-протейер. В сельхозакадемии им. т. Ленина из 1 000 аспирантов 700—выходцы из рабочих и крестьян. Лучшими московскими заводами—им. Лепсе, Мосэлектрине—руководит исключительно молодые инженеры.

Новые специалисты воспринимают традиции лучших инженеров человечества—Фарадея, Уатта—и свободные от пут, которыми опутывает научную мысль современное капиталистическое общество, продолжают великое дело покорения природы. Они завоевуют землю, они будут ее выстраивать.

Через каких-нибудь два года мы будем иметь почти 400 000 автомашин, которые потребуют около 6 млн. шин (в условных единицах).

Ленинградский шинный завод может дать только 800 000 шин, остальное количество должен дать строящийся Ярославский резино-асбестовый комбинат — мировой гигант резиновой промышленности.

Комбинат будет заключать в себе более 13 различных заводов: шинный, асбестовый, регенераторный, кордный, винтильный, механический и др.

При комбинате будет построена теплоэлектроцентраль мощностью в 72 тыс. киловатт и 530 тонн пара в час. Эта ТЭЦ будет первой в мире теплоэлектроцентралью такой мощности.

Первая очередь заводов должна быть пущена в период октябрь 1931 года — февраль 1932 года.

Обеспечивают ли нынешние темпы строительства своевременный пуск заводов?

Надо добиться правильной организации работ и труда на стройке, правильной расстановки не только рабсилы, но и руководящих работников. Безобразному положению с хозрасчетом, с единоначальем надо положить конец.

Опыт передовых ударных бригад, опыт передовых строек надо перенести на все участки строительства Резинокомбината.

Слышишь, комсомол?

Партийная, комсомольская и профсоюзная организации должны стать действительными организациями и руководителями производства.

Приказ партии и правительства об окончании строительства в намеченный срок должен быть выполнен безоговорочно. Нижегородские автомобили должны в срок получить ярославские шины.

СЛЫШИШЬ КОМСОМОЛ?,

Дуля в Ярославле
Работой рекордной

Встает
новостроек
невиданный
ряд—

Шинный
подошвенный,
винтильный,
кордный,
Резино-асбестовый
комбинат.

К подчичам
автомобильных
моторов

Нижегородских машин—
с каждой минутой
уадут с транспортера
десять готовых шин!

Храни
Работ

наво

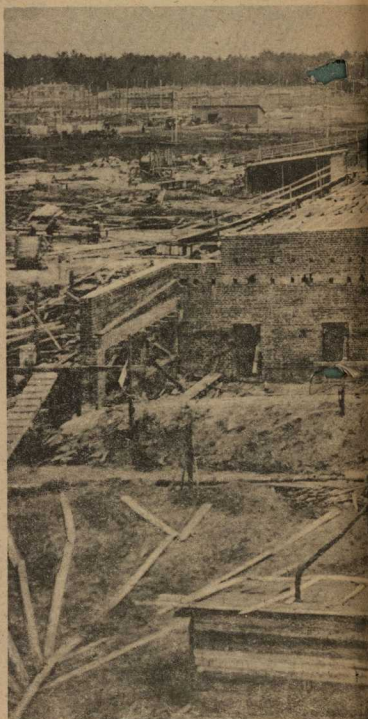
75 000 ф

Даст м

Факты

диктует

10 000 ф

т засеянных
жар,
ром
заполнив
год—
в пар
водошв
вод.

контрольные
цифры акклимте.—
станковый стук—
Колесам явто
изготовленный винтиль—
шук.

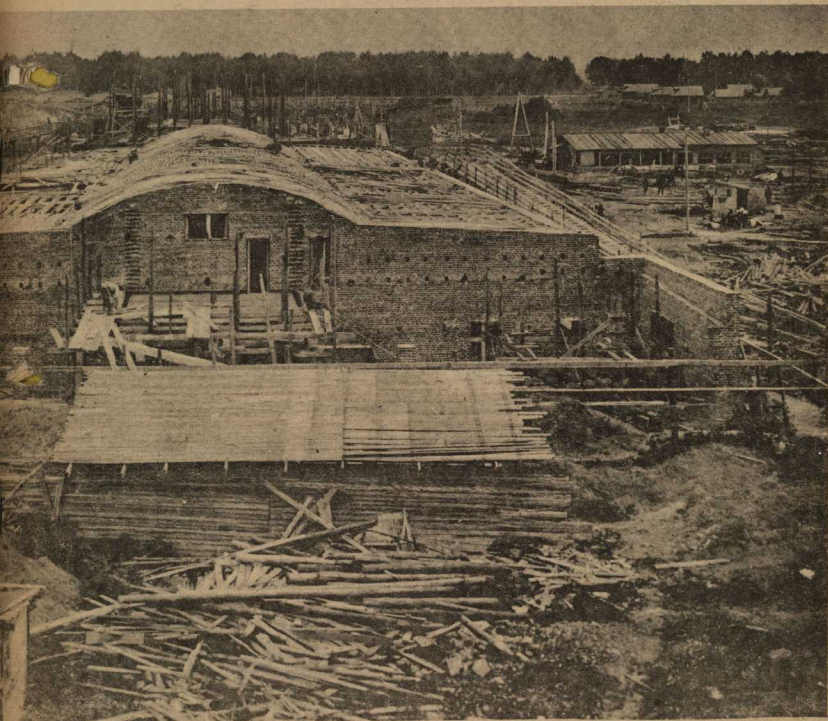
Груды работ
ворочая круто,
Чтоб дело часы
в минуты сверло—
Даст кордный
завод
В течение
суток
45 000 кило.

В мире
заявши
четвертое место—
с конвейера
наших ударных
дней—
Поднимет завод
тоннаж
асбеста

На 113 миллионов
рулей.

Зашумела мускульная
трата
пустырю
недавнему
не в тон—
Выпустит завод
регенерата
19 000 тонн.

Наши дни
ушедшим не пара,
Строятся ТЭЦ,
и контраст
весом,—
4 000 000 тонн пара,
Треть миллиарда
Киловатт часов!

ВЫСТРОИМ КОМБИНАТ В ПРОМ

В. Михарев

Ярославский резино-асбестовый комбинат является одним из ударных новостроек 518. В его строительстве участвуют 270 миллионов рублей. Войдя в строй, комбинат ежедневно даст продукции на 1 миллиард рублей. Он будет, поставщиком Нижегородского автомобильного завода АМО и т. д.

К 1 января 1932 года по плану нужно закончить строительство, монтаж и пустить в ход шинный, регенеративный, подошвенный, корданный и механический заводы, временную котельную, распределительное устройство, водопровод, канализацию и другие спецобъекты. Необходимо закончить строительство и ввести в эксплуатацию 13 жилых, 40 квартирных домов, развернуть стандартное строительство. Этот план сложен, но безусловно реален и выполним. Однако темпы строительства не обеспечивают своевременного пуска комбината.

На сегодняшний день шинный завод закончен только на 82 процента, регенеративный — на 69, механический — на 38 и подошвенный — на 25 процентов.

Стройфинанс экономично не выполняется. За июль выполнен только на 42 процента, за август — на 50 проц, а в сентябре, несмотря на то, что месяц объявлен штурмовым, все же невыполнение. За первую декаду план выполнен только на 15 процент.

Причиной огромного прорыва служат то, что партийные, профсоюзные, хозяйственные и комсомольские организации в новых условиях не умеют работать по-новому. Шесть задач, поставленных тов. Сталиным, не выдвигались в конкретную и практическую работу резинкомбината.

Несмотря на имеющиеся достижения — изжитие обещаний среди ответственных работников, переход части бригад на хозрасчет и т. д., все же имеются крупные провалы в работе всех организаций.

Из более 150 ударных бригад на хозрасчет переведена только четвертая часть, 35 про-

центров рабочих строителей вне соцсоревнования и ударничества. Вовлеченные в соцсоревнование и ударничество особенно слабо занимаются профсоюзные организации. Еще хуже поставлено дело с руководством и работой над ударником. Большинство ударных бригад не видит ни от кого никакой помощи и поддержки, не говоря уже о производстве.

Вот три факта. Бригада Ненишина, работающая на жиленостроительстве (плотников, комсомольская) все лето считалась лучшей, промфинплан ежемесячно переплывала. В конце августа в бригаде получился прорыв, появились прогалы и т. д. Со стороны общественных организаций, особенно со стороны комсомола, нужно было бы оказать бригаде помощь. Никто этим делом не заинтересовался.

Другой факт. Комсомольская бригада бетонщиков — Дмитриева — работает по-ударному. Ежедневно план выполняется на 118-120 проц. Условии в самой бригаде ниже всякой критики. Работают бригадники без спесодаже, без обнуля. У некоторых рабочих совсем развалились болтики, и на это никто не обращает внимания. Администрация отодвигается молчаливо. Комитет комсомола об этом даже не знает. И еще один пример — бригада Климова-Сурина. Бригада была организатором перехода на хозрасчет. Летом давала по бетономешалке рекордные цифры. Вместо полагающихся по плану 240-250 замесов, бригада добилась 300-320. Однако в бригаде имеются большие недостатки в работе. Нет своего твердого плана, механизм все время находится в неисправности, большой недостаток инструментов, материалов и т. д. Несмотря на все требования бригады к администрации дать твердый план, инструмент, починить механизм и т. д., администрация никаких мер не принимает.

Опыт передовых отстающим

На строительстве имеются около 100 бригад, первопроходившие промфинплан. Таковы бри-

гады Отцович, Горшунин, Заболодина, Багачкина и других. Однако как они работают, каким образом эти бригады добились блестящих результатов, никто не знает, так как опыт их работы никому не передается. На строительстве есть 4 планово-оперативных бригад. Но кто они такие? Каков опыт их работы?

Ни одна рабочая стройка не знает. Все это делается молча.

Организацией встречно-сменных групп комсомольского комбината не занимается. Только в конце сентября организовали одну группу, которая дала блестящие результаты, ежедневно увеличивая норму выработки от 130 до 150 проц. Это еще работа нужно бы сразу дивину по этой цепи завода.

Однако этого до сих пор времени не чувствуется.

Задача комсомола

Комсомольская организация ярославского резино-асбестового комбината имеет большие достижения в своей работе. Имеется 101 молодежная бригада. Большинство из них первопроходившие промфинплан. Комсомольские бригады Михайлова, Ненишина, Сурина и др. явились застрельщиками перехода на хозрасчет. С 1200 человек комсомольская организация за три месяца вырвалась до 3150 человек. Комсомол послал бригады на заводы поставщиков стройматериала и т. д.

Но эти достижения ни в коей мере не должны успокаивать.

Комсомол слабо борется за изучение техники, за передачу опыта лучшим бригадам строительства, за переход на хозрасчет, против уравниловки, которая до сего времени не изжита. Не везде введена премиально-прогрессивная сдельщина. Этим делом должен заняться комсомол.

На основе достигнутых результатов комсомольский комбинат должен ускорить свои достижения в борьбе за своевременный пуск комбината.

„РЕЗИНКА“

В Ярославле строится резино-асбестовый комбинат.

Это одна из 518 новостроек, которые должны быть пущены в 1931 г.

Кроме того это одна из 19 сверхударных новостроек. В Ярославле резино-асбестовым комбинатом обращаются за прорезинкой. Она отретет из ведомостей нашего импорта цифра, обозначающая количество золотых рублей, затрачиваемых на ввоз каучуковых и асбестовых изделий.

На строительство и монтаж комбината ассигновано 270 млн. рублей. Сместись годовая продукция будет равна миллиарду.

Заводы комбината будут максимально механизированы и оборудованы по последнему слову техники. Оборудование — советское и американское. Более 20 тысяч рабочих будут работать в комбинате.

Комбинат снабдит нашу автопромышленность резиновыми шинами и асбестовыми частями, а один из заводов комбината — подошвенный — в первый же год пуска обеспечит половину населения Союза дооркачественными резиновыми подошвами. И автомобили, и люди будут благодарны комбинату за резиновый ход.

Главным заводом комбината будет шинный завод. По выпускаемой продукции (6,5 млн. шин в год) он займет первое место в Европе и второе в мире.

Не меньшее значение в деле избежания от иностранной зависимости сыграют асбестовый и витальный заводы. С введением их в строй мы полностью обеспечим нашу автопромышленность производственными асбестовыми изделиями, и витальными для камер автошин.

Целый ряд заводов будут иметь побочное значение. Таковы корданный и регенеративный заводы. Корда — это крученная хлоп-

чатобумажная нить. Из нее изготовляется каркас шины. 17000 тонн — вот запропегнированная годовая продукция кордного завода.

Регенеративный завод — это завод, перерабатывающий утиль. Старые капошки, дымные шины, ключи камер и т. д. будут перерабатываться в особую массу — регенерат. Из регенерата шинный завод изготовит шины, а подошвенный — подошвы и кабокуи. 19000 тонн годовой продукции станут регенеративный завод на первое место в Европе.

Паром и электроэнергий комбинат обеспечит постройку тепло-электростанции. По своей мощности она будет равна Волковострою.

Комбинат имеет три торфяных болота с запасом торфа в 20 млн. тонн. Из этого запаса ТЭЦ ежегодно будет «сдавать» 480 вагонов торфа, давая взамен 4 млн. тонн пара и 360 млн. киловатт часов в год.

Вокруг комбината развернуто жилищное и культурное строительство. Строится целый город, в котором будет жить 30 000 человек.

Сейчас стройка комбината имеет глубокий прорыв. Прорыв обуславливается плохим снабжением строительными материалами и оборудованием, завышаемостью чертежей, недочетами в части расстановки и использования рабочей силы и подчас неумением общественных организаций использовать энтузиазм рабочих.

Можно было бы составить длинный список поставщиков «Резинки», не выполняющих своих обязательств. Таких поставщиков около трех десятков. Лесозаводы, ж.-д. станции, металлзаводы, фабрично-заводские стромзаводы — все эти поставщики как бы соревнуются на невыполнение заказов.

Особенно интересно, как Иваново-вожеженский завод трансмиссий изготовлял трансмиссионные валы. Дело произошло примерно так.

О. ШВАРЦ

Б11

При заказе завод трансмиссий гордо заявил:

— Сделаем в неделю! Но гоните нужный прокат и... 15 ящиков гвоздей. А уж мы вам со всеми деталями валы соотряпаем. С трудом достали в Москве нужный прокат и гвозди. Дали заводу трансмиссий. Прошел установленный срок заказа.

— Ну, давайте валы.

— Какие валы?— удивляется завод трансмиссий.

— Наши, на которые мы вам материал давали.

— А-а-а... видите ли, м-м-м... того-этого... не готов ваш заказ, и вообще мы ваши материалы употребили для других заказов. Вот так «выполнил» Иваново-вознесенский завод трансмиссий заказ сверхударной постройки (взяв в качестве «премии» 15 ящиков гвоздей). Нехорошо и с чертежами. Западают чертежи. Иногда на

2½ месяца. Так, например, ТЭЦ должна была быть построена в этом году, а чертежей не было еще и в июле.

Витализм рабочих не всегда подхватывается заводскими организациями. Был такой случай. 18 сентября шел проливной дождь. Несмотря на это, бригада Аины Кухенкиной работала на выгрузке земли с шинного завода, и бригада Ивановой спасала гравий от возможного затопления на берегу Волги. По трудовому кодексу работа на открытых местах во время дождя не производится, и такие простои рабочим оплачиваются.

Этот исключительный героизм рабочих не был подхвачен общественными организациями, не был показан всем рабочим постройки. Бригады Кухенкиной и Ивановой не были даже премированы.

Все это вместе взятое, а главным образом недостаток стройматериалов, затормозил постройку.

В связи с этим перед комбинатом во весь рост встает вопрос о паре и электроэнергии. ТЭЦ даст и то и другое только в мае 1932 года.

Вопрос этот временно разрешается так: паром комбинат будет обеспечен своей временной котельной—8 тонн в сутки—и договором с СК, который даст 20 тонн пара в сутки. А электроэнергию комбинат получит от ЯлГЭС и ИлГЭС. Некоторые затруднения с электроэнергией будут в декабре. Но к январю эти затруднения будут ликвидированы.

Сроки строительства и пуска отдельных заводов комбината пересмотрены на основе всех возможностей, которыми постройка сейчас располагает.

Прорыв будет ликвидирован.

Этому залог—этузиам ударных бригад, бригад Санатулова, Ерофеева, Лобанова, Кухенкиной, Ивановой и др., выполняющих планы на 120, 150, 180%, бригада, которые работают в дождь и холод, когда нужно—ночью, не считается с усталостью и временем.

Уже кроют крыши регенератного.

Освобождается от десов шинный.

Кинит работа на асбестовом.

Ярославский резино-асбестовый комбинат будет выстроен и пущен в срок.

ВОРОШИЛОВСКИЙ СУББОТНИК

С. М.

Краснознаменный Н-ский полк заканчивал свою летнюю жизнь в лагерях. На одном из ротных собраний было внесено предложение—по приезде из лагерей организовать субботник на стройке Ярославского резинокомбината. Предложение было принято, и тут же решили вызвать на социальное соревнование другие роты. В результате общее полковое решение:

— 26 сентября отработать на резино-асбестовом комбинате.

В шумные улицы Ярославля влились колонны красносармеев. От гласы колонны несутся бодрые звуки марша.

Резинокомбинат встречает гостей.

Начальник стройки тов. Галевич говорит о героической Красной армии, идущей на помощь социалистическому строительству.

— Мы надеемся...— тонит слова в тысячеконной толпе.

— Смирно!

Бойцы слушают приказ командира:

— На шинный завод в распоряжение прораба инженера Видальского на земляные работы—1000 человек. Гидротехстрою на земляные работы—50 чел., Регенеративному заводу—50 человек. Асбестовому заводу...

Штурм строительных позиций начался. Бойцы берут в руки лопаты. Одни колонны разбиваются у шинного, кордного, другие тянутся к сажевому заводу и другим участкам стройки.

Вокруг, точно в громадном муравейнике, копошатся люди в зеленых фуфайках, шинелях, а среди них мелькают красные и белые платочки работников.

— Снять надо шинель-то, а то озбинешь, сиделка девушка-подвишница.

— Ничего, чернаяхляк, не озбиешь!—отшучивается боец, а сам уже тянется снять шинель.

— Эй, беритесь! — кричат красноармейцы, толкающие по рельсам вагонетку с грузом. Ребята отскакивают в сторону и, пропустив вагонетку, вновь принимаются за работу.

Удар за ударом, все глубже и глубже уходят лопаты в землю. Второй взвод связи дает 172 проц. выполнения работ, первый саперный взвод—144,5, взвод связи—142,5, второй взвод третьей роты—134,3, третий взвод третьей роты—128,6 и т. д.

Помимо разных черновых работ было вырыто и переоброшено 11 598 кубометров земли. Заработано в фонд строительства 5747 руб. 89 коп.

После обеда многоголовая армия бойцов перемещалась с рабочими—ударниками стройки, которые пришли приветствовать краснознамenceв.

Оркестр заиграл Бариано.

— Эх, да чего тут...— вскидывает руками раскрасневшаяся ударница, и ее ноги принимаются выкрутаться из-под земли.

— Красная армия, не выдавай!—подзадоривают ударника.

— А ну, посторонись!—и отброшенная шинель видит, как ее хозяйка, пересыпая руками по зеленым, лихо пустаааа вьводит чечотку.

— Ну, Прокофьевна, капут тебе!

— Ничего, выдержим!...—и ровные идиенные зубы ярко блестят на улыбающемся лице.

— Станови-и-и-ись!

От имени бригады и передо взм пламенный привет и горячую благодарность за...—несутся слова ударницы-бригадирши тов. Долиной.

— Ура!—полюхнуло в воздухе.

— Походной колонной шагом... марш!

Бригада Ерофеева

КОМСОМОЛЬЦЫ, УЧИТЕСЬ У ЕРОФЕЕВА

Н. Соловьев

В северной части Ярославля, там, где еще два года тому назад жегтели соломенные крыши маленьких домиков деревни Гуманово, где булыно росла трава и репейник, сейчас воздвигаются корпуса резинового комбината-гиганта. Длинная история начала строительства этого комбината. Долго велись споры, где его строить, пока преимущества Ярославля не взяли верх. С этого момента проектоцелях два года, и сейчас уже гордо красуются корпуса кордного и шинного заводов, заканчивается регенеративный, подошвенный и механический заводы, поднимаются стены асбестового и винтажного заводов и горюсти комбината—первой в СССР тепловыэлектроцентрали мощностью в 1½ Волховстроя.

На стройке прорывы, но рабочие не смеваются, что комбинат будет пущен в срок. Десятки бригад систематически показывают миллионные большевистские темпы работы, ежемесячно перевыполняя свои планы. Василий Иванович Ерофеев, по специальности кузнец,—один из руководителей такой бригады. На строительстве работает около 2 лет, а до этого участвовал в стройке мелажевого комбината в Иваново-Вознесенске. Едва ли вы найдете на строительной площадке человека, в особенности из числа старых рабочих, который бы не знал бригадира Ерофеева. И это не случайно. Попробуйте зайти в кузницу, и первый, кто вам бросится в глаза, будет бригадир Ерофеев. Забудьте через 3-5-7 часов—высокая фигура Ерофеева все еще находится у горня.

Кузница, где занято 40 кузнецов и молотобойцев, работает в две смены, а бригадир Ерофеев успевает один руководить ими и справляется с этим делом прекрасно. Нет такого месяца в течение двух лет работы, чтобы бригада Ерофеева не перевыполнила своего промпинплана, 112—130—132—150 и 170%—вот период выполнения плана бригадой за период май—сентябрь.

В чем же тут секрет? Да по сути дела никакого секрета и нет. Бригада Ерофеева быстро усваивает указания партии и ее вождя тов. Сталина и по ним строят свою работу.

Партия бросила клич развивать социоревнование и ударничество как один из методов

борьбы за выполнение промпинплана. В ответ бригада объявляет себя ударной и дает 112% своего плана. Партия дает указания о переводе бригад на хозрасчет как одну из новых форм социоревнования. Бригада Ерофеева—одна из первых переходит на хозрасчет и сразу же выполняет свой план на 150%. Бригада переходит на индивидуальную прогрессивно-премиальную сделку и сразу же дает выполнение своего плана на 170%. Одновременно с этим заработок рабочих бригады неуловимо идет вверх. В среднем с 5 руб. зарплаты увеличился до 8 руб. 50 коп. на человека в день. С введением премиальной системы большинство членов этой бригады премируется. Так, кузнец Боркин получает премии 37 рублей, кузнец Сережанин—46 рублей. Получают премии и остальные члены бригады.

Бригадир Ерофеев и его бригада не считают с временем и усталостью. Там, где нужна ее работа—днем ли, ночью ли,—бригада готова всегда. Случилось так, что в силу новой планировки площадки пришлось переширять и удлинять железнодорожное полотно. Работа необходимая и срочная; но вдруг препятствия: нехватает стрелок для козлов. Объявились в бригаде Ерофеева. Заказ выполнен в срок. Железнодорожное полотно готово. Гужевой обоз—узкое место строительства. Из-за недостатка телег он не справляется с работой. Получается пробола. Нужно войти из полевосени. Но как? Залпасных телег нет, на рынке нет, промпроклерция их тоже не отпускает,—решили изготовить сами. Опять обратились к бригадиру Ерофееву. Ерофеев готов выполнить это, но надо поговорить с ребятами—ведь срок очень жесткий. Через десять минут бригада выносит постановление: во что бы то ни стало изготовить все нужные 17 станков ранее срока. Бригада решила работать без выходного дня, и зигуэнность, пробадил. Станки для телег были изготовлены на день раньше.

Таких случаев десятки. В бригаде—редкое явление. Еще ни разу не проважала 11 2%, и то исключительно из-за недоброкачественного материала. Прогреты дна в почете у кузнецов Ерофеева. С ними борется не только сам Ерофеев, но и вся бригада. Был чтрех, когда один кузнец, Киселев, допустил несколько утолщлов. Бригада без лишних разговоров распростралась с этим прогульщиком.

Кто такой Ерофеев? По происхождению он крестьянин, но семь лет назад поваял с крестьянством и с этого времени работает кузнецом. Раньше работал на фабрике им. Держинского и на мелажеком комбинате в Иваново. Там он был 3 раза премирован. За 2 года работы на резиновом комбинате премирован 6 раз. Беспартинный, но сейчас, в связи с самопровозглашенной ЦК партии по докладу Ивановского обкома ВКП(б), подал заявление о вступлении в ряды партии. Он—член цехкома и руководитель учебы 20 слесарей.

Конечно все эти прекрасные результаты достигнуты не им одним, а при помощи всего коллектива бригады. Кузницы и молотобойцы Веселов, Рибков, Ромашов, Борзини, Скриптунов, Павлов, Королев и другие—и вот его ближайшие помощники в борьбе за большевистские темпы, в борьбе за работу по-новому в разрезе указаний тов. Сталина. Это все подлинные герои труда, не на словах, а на деле борющиеся за выполнение и перевыполнение стройфинплана, доказывающие героические усилия и прекрасные темпы, достойные всяческого поощрения.

Мы покажем еще лучшие результаты,—заявляет ерофеев,—и обеспечим пуск комбината в срок. В качестве залога мы передаем в партно-б лучших рабочих-ударников из нашей бригады.

Было бы совершенно излишним говорить, что образцовая бригада Ерофеева не является исключением. Бригад, подобных ерофеевской, на строительстве комбината немало. Они также ежемесячно дают «неудачные» результаты. Возьмите бригаду каменщиков Мишулова, бригады Грушниковой и Развинина, работающих на постройке механического завода, возьмите бригаду штукатуров Покришова с шинного завода и бригаду бетонщиков Кочнева на асбестовом заводе—все это немалые героизм-успехи на трудовом фронте, борцы за ударные большевистские темпы, дающие высокие показатели своей производительности труда и систематически перевыполняющие свои планы.

На стройке есть еще бригады, которые плетутся в хвосте, не борются по-ударному за свои планы. Выход для них: один доллар перенять опыт у передовых бригад, и победа будет за ними. Ерофеевцы, мишушловцы, грушниковцы победят. Комбинат будет пущен в срок.

ТАРЕЛКА ШЕЙ НА ВЕСАХ ПРОМФИПЛАНА

Комсомол вместе со всем рабочим классом строит гигантские дайки в турбинах, блоки, электродвигатели и высоковольтные кабели, обгоняет по ряду отраслей крупнейшие капиталистические фирмы. Но, чтобы сделать ежедневный спосный обед в заводской столовой, — здесь мы спешим и рядом отставаем. Мы свиряемся электросваркой огромные металлические машины, но сварить хорошие швы частично не умеем.

В наших залах нередко находится этанке хваты, которые с барским пренебрежением вертятся нос от слух «молодых дел», считая заботы о сытном обеде «указом практицизмом», чуть ли не делячеством.

Товарищ Вайшай, докладывая плануemu Ленинградского обкома ВЛКСМ о задачах комсомола о задачах в улучшении рабочего питания и рабочего снабжения, говорил о необходимости основательно ударить по таким настроениям и их конкретным носителям. Ведь, в самом деле, все мы знаем, какую роль играет сытный обед на весах промфинплана.

Конкретные носители таких «недооценочных» настроений нередко встречается в практике комсомольской работы. В столовой «Красного» заводчица-дворничка восторженно гласит, полнота цвета украинского черномеза, скатерти и дологота не меняются Василеостровской фабрикой-кухней по-двое суток. Но заводской комсомол, очевидно, не очень интересуется этими «малыми делами».

Точно так же и комсомольцы завода имени Горького смотрят спустя рукава на варварскую антисанитарную своей заводской столовой. Здесь нет никакого кооперативного актива, нет комсомольского контроля над рабочим питанием.

Еще хуже обстоит дело на госзаводе № 4, где положение столовой заинтересовался прокурор. Здесь даже не кладут картошки в салат вследствие того, что «слишком чистая», «любопытная расстановка фактов»: дело уже дошло до прокурора, а комсомольская организация, находящаяся на территории завода

в центре заводских будней, стоит в стороне от этой «групики мелочи». Мы, дескать, больше важные дела провозвращаем!

Комсомольские организации «Красного путиловца», «Севальбы» — передовики, награжденные знаменами, — в своих обязательствах по поводу награждения не обмолвились и не сглаголют о своем участии в улучшении общественного питания. Куда уж нти дальше! Товарищ Вайшай рассказывает о том, как он зашел в столовую завода им. Сталина, где в кадрах влету пивать и по стенам — пущенцы карточки. Видят: мисто, уютно, стоят блестящие термосы, ни дать, ни взять — «Европа! Попробовать открыть один термос — нестерпима боль ударила в нос. Невозможно подойти близко. Оказавается, в термосах, в которых на завод привозят пивало, — свиная...»

Комсомольская организация Сталинского завода — прекрасная передовая организация, гордость ленинградского комсомола — не сумела предугадать этой безобразной головокружительности. Комсомольцы — строители пятнадцатиэтажные турбины, обгоняющие Вickers, должны отнестись с достаточной серьезностью к борщам и котлетам!

Ленинградский комсомол обязан посвятить больше внимания комсомольцам, работающим непосредственно в области питания. Комсомольцы кухни и столовых должны усвоить технику своего дела. Нам нужен профессор кислых щей без иронических кончиков, но в действительном значении этого слова. Лучшие ударники рабочего питания достойны прославления на своем производстве, на ряду с лучшими ударниками социалистической индустрии. Имена людей, показавших пример ударной работы по части рабочего питания, должны быть знакомы всем пролетариям данного производства, данного района.

Чрезвычайно важно ликвидировать обезличку в деле рабочего питания. Нужно написать ряд статей.

— Супи варил повар Дуванов.

— Гуляши приготавливал повар Николайев.

— Вам кого? — обратился один из спорщиков ко мне.

Никого, зашел вот посмотреть, как вы живете.

— Живем так себе, работаем много лучше. Приходи туда посмотреть.

И действительно, жизнь в бараках довольно хорошая. Рабочий-строитель имеет много свободного времени, но заполнить его нечем. Общественные и культурные организации по-прежнему вопросу правильного использования рабочего свободного времени не уделяют ни одного внимания.

Есть при бараках и красивые уголки, но в них, как правило, нет ни газет, ни журналов. Бригада Лобанова работает на постройке второй котлы. Выполнение плановых заданий у бригады в этом году колеблется между 120% и 150%.

— Такого выполнения, — говорит бригадир, — мы добились в результате социалистического соревнования и ударничества. Наша бригада вышла на социальное триумфальное первое место. Все члены нашей бригады соревнуются между собой.

— За прошлый год мы перевыполнили план почти вдвое, — добавляет один из бригадиров.

— И в этом году мы не отстанем, — задорно добавляет другой, работающий пока учеником.

Ну, не отстанем... Помыenne его, да побольше делай, — одергивает его полюбимый рабочий.

— Вот они какие у меня! — улыбается Лобанов. — Не работают, а горят на работе. Вот

Комсомольцы, работающие на фабриках-кухнях, должны в первую очередь отвечать за качество пищи. Нужно бросить на фронт общественного питания, на помощь тресту общественного питания людей, сознанных своей высокой этой деля.

Об этом говорили товарищ Вайшай, об этом говорили десятки товарищей, выступивших в прейсах и товарищ Комсомольца («Красный путилец»), и товарищ Тубанов (Выборгский райком), и Куксов, и Буагини, и Варфоломеев, и Самельев, и другие.

Из слов всех выступавших достаточно четко вырисовывались все недостатки и достижения комсомола на фронте общественного питания и горячее комсомольское желание преодолеть по-большевистски все барьеры, стоящие на пути дальнейшего улучшения этого важнейшего дела.

Вопрос гигиены и санитарии в столовых и продуктовых магазинах, вопросы транспорта для перевозки продуктов — проблема — ножей и вилок, столовые для ФЗУ, затаривание, залеживание продуктов на складах, успешное развертывание сети новых столовых — вот тут круп вопросы, который был по-деловому проботан на пленуме.

Пролетариату чуждо вульгарно-обывательское, потребительское понимание социализма как некоего обжорного молочного рай с салатыми борщами и с деревнями, на которых растут обфитески. Но, высказывая такое научно-затянутое представление о социализме, мы одновременно будем крепко бить по тем беззаботным оптимистам, которые недооценивают значения хорошего обеда в улучшении материально-бытовых условий рабочего класса, в успешном разрешении наших исторических задач.

И поэтому комсомол, как четко указал пленум в своей резолюции, должен с ответственностью вникать в улучшение рабочего питания и рабочего снабжения, так же, как он дерется за мощные дизели, турбины и алюминий.

посмотрите на нашу работу, — показывает он на груды связанных комолов, но варует, что-то заметит, начинает разбрасывать ее и вытаскивает снизу одну.

— Это, Иван, тесть колхоза? А почему хулилки только закрывает? Сейчас же переделай.

— Раньше, когда мы только начинали работать, — обращается он ко мне, — то и у нашей бригады проигрыш были, но мы извалялись от них простым учетом сил и способностей каждого рабочего, сообразно которым и распределяем работу.

— Блок бы нам и то много помог в работе, а то приходится железо на верхние этажи таскать на себе.

Но не все в бригаде захвачены энтузиазмом стройки, есть и недовольные все мысли ко которым упираются в данный рубль. Таков Туркин.

— Да что соревнование, душим мы друг друга работой-то, — говорит он. — Зарабатываем мало.

Но энтузиазм побеждает.

— Победил на фронте гражданской войны — победил и на фронте строительства социализма, — говорит член бригады, участник борьбы с денкинизмом, тов. Родин.

Скоро и Туркин поймет это. На стройке правая. Нехватает рабочей силы, да и та, которая имеется, в большинстве случаев еще очень плохо используется и очень плохо пока исполняет свои обязанности. Таких, как бригада Лобанова, немного. Опыт их работы нужно передать всем рабочим и передать немедленно.

В. Шерехов

БРИГАДА ЛОБАНОВА

Их 28 человек. Все они молодые, с обязательными лицами, немного сутулые, с разных концов нашего Союза. Они приехали на постройку резинового комбината и принесли с собой неисчерпаемый запас силы, горячее желание работать и веру в десертное выполнение этой работы. Рабочий-строитель почти всех в одну артель, желанием работать переросло в ситуатизм, а артель — в бригаду.

Так создалась ударная бригада арматурщиков Лобанова. И зашел в барак № 15, где живет эта бригада.

— Нет, мы еще отстаем в темпах, — тряска газетой, горчичники один из рабочих. — Вот на Ленинском стрее — выработка у арматурщиков выдвинулся до 312%, а мы и до 200% догнать не можем!

— Да брось ты! 312 да 312, у них так все работы механизированы, а у нас вот она механизация-то где! — показала другой рабочий свою спину и добавила: — Нет ли механизации, как ни гони, далеко не уедешь.

— Нет механизмов, так требовать надо! — И тревали, да что толку? Как бзали спина в трубу, так она и осталась. Довольно вам орать, заниматься мешанной — одернул их любезник, высушенный из-за двери красного уголка.

„БРИГАДА

СЕМИДЕСЯТИ“

Рис. Цейтлина

Николай
Копеев

Василий Карпов со своей бригадой пришел на стройку в двадцать девятом году. Их 70 человек, они пришли все из одного колхоза, из одной деревни Невцовки, пришли, когда еще не было ни корпусов, ни узкоколейки.

Думали работать, как раньше, где кому издается, кто сколько срывает, по стройке их объединила в одну бригаду.

На четвертый день приехал в маленький деревянный барак рабочий бригадиром Василий Карпов. Он работает 28 лет. И большинство голосов подхватило:

— Карпов!

— Василий Карпов!

Карпов стоял в середине.

— Да что вы, ребята, вы бы грамотного кого поставили, а я что: камешки и камешки, из молодежи нужно.

Но голоса не дали конца, Карпову.

— Поработайся, а там и грамоте научишься.

Так в маленьком деревянном бараке организовалась бригада семидесяти. Большинство в бригаде — молодежь, а комсомольцев — один Ванька Жуков. Ему 19 лет, он самый грамотный парень. Еще в деревне обучал ребят писать, сельхозрыбные заметки, был избранком, тот и на строительстве передовиком. Собрал себе молодежное звено в 15 человек. Звено вызвало на соревнование стариков.

— Не сдадим, ребята, не отстанем от стариков, — говорил Ванька.

Работали на кладке корпусов. Дневная зарплата на каждого — три кирпичей. Первые дни не спорились в работе, старики обгоняли

звено, а после работы, дорогой в барак, смеялись бригадиру Василию:

— Кусомальды хотели нас в работе перешибить! Молокососы, не могут понять, что старики-то 20 и 30 лет работают, навыков-то больше, а они 2-4 год и хотели стариков обогать.

Дого смеялись над ребятами и за работой и в бараке.

На второй декаде молодежное звено стало догонять в выработке стариков, серьезно относиться к работе и в начале 3-й декады поровнялось со стариками.

Радовались ребята, но больше всех был весел Ванька Жуков. В красном уголке барака перетялся Ванька перед бригадиром Карповым:

— Дядь Вася, мы стариков-то сегодня лагнали, они выработали 10 рядов кладки, а мы тоже.

Он бегал от койки к койке, бегал в коллектив комсомола, везде расказывая о своей победе.

Сегодня с утра идет мелкий сентябрьский дождь. В такие дни кладка смен бывает хуже, да и работать нельзя. Дождь прошибает насквозь,

руки зябнут, не могут так крепко держать кирпич, чтобы не портился материал. Бригада Василия Карпова начала работу.

— Кончай, ребята — кричит бригадир, — идите в первый этаж. Собрание маленькое будет.

Со всех сторон стройки выходили камешники в брезентовых, потертых кирпичах фартуках. Фартуки потеряли свой цвет и стали красными.

В незастекленные окна хлестал дождь, сентябрьский ветер врывается к людям в середину здания, поднимая вихрь кирпичной пыли.

Многие ругались:

— Вот сволочь, без времени пошел, мы бы сегодня заднюю стенку второго-то этажа закончили.

Собрание открыл Василий Карпов.

— Товарищи, мы сейчас работаем уже на постройке бани, новых домов. Вот срок строительства бани нам дан 2 месяца, а я думаю не тянуть время, мы его отстроим в полтора.

Из середины выкрикнули:

— Материалом бы снабжали, а там что — в полтора строадем, а о материале пускай Карпов и заботится.

Карпов продолжал дальше:

— Вчера мы учитывали консервирование между двумя бригадами по кладке, одна — старики, а другая — молодежь. Задание на день было 625 кирпичей, но мы вылопали по 3 200 кирпичей. Это, товарищи, наша победа.

Василий еще хотел сказать многое, но растерялся, махнул рукой и спрыгнул с бревна.

Собрание бригады постановило кладку бани кончить в полтора месяца.

Рабочие бригады говорят:

— Мы теперь работаем куда быстрее прежнего, раньше мы работали мастерком, а им уж не так-то скоро, то молотком обрубишь, а на все время нужно, а сейчас мы работаем «жельмой», так у нас норма выработки втрое больше.

В последний квартал бригада выполнила план на 134%.

Мы теперь совсем другие, — рассказывают из бригады: — 28 человек участв на повышение квалификации, 15 человек в школе малолетних. Наша бригада первая вызвала на соревнование по работе, по подниме на звание другие бригады.

Сентябрь месяц бригада объявила ударным, они работают по 10 часов без выходных дней. На красной доске среди громадных корпусов большими буквами написано от бригады Карпова:

— План строительства бани для резинового комбината закончили раньше срока.

КОМСОМОЛ В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТСКУЮ ШИНУ

П. ЖИГАРЕВ

Соцсоревнование было не в почете. Немногие ударные бригады, показывавшие образцы трудового героизма, оставались незамеченными для широких рабочих масс.

Образовавшийся прорыв углублялся. Апрель месяц не принес значительных изменений—программа была выполнена на 45%. Комсомол взялся за развертывание соцсоревнования и ударничества. Выросли комсомольские ударные бригады. Бригады Заряского, Гущина, Кухаревой, Нинишина, Сурина стали выполнять план на 110—160%. Но это еще были единицы. Массового ударного движения еще не было.

Второй участок, за который взялся комсомол,—механизация строительства. Здесь больше всего расхлябанности, ленивая обстановка. Растворомешалка вместо 240 замесов по норме, давала в смену 80—90 замесов. Бетономешалки вместо нормы в 160 замесов делали 40—50, работая 2—3 часа в день.

Были окомсомолены одна растворомешалка, одна бетономешалка и один подъемник «кукостна». Производительность быстро скакнула вверх. Бригада Михайлова на растворомешалке добился 480 замесов—два раза превысил норму. Бригада Сурина на бетономешалке дала 280—310 замесов и бригада Дмитриева на подъемке шпала вместо нормы 160 стала давать 300.

Хозрасчет на строительстве рождался в муках, хозяйственники соевались, прорабатывали и... приходили к убеждению, что хозрасчет не применим.

Начали комсомольские бригады Михайлова и Нинишина. Хозрасчет сразу дал громадные результаты. Если бригада Михайлова до введения хозрасчета выполняла план на 118%, то после—месячный план был выполнен на 136%. Бригада Сурина со 107% повысила выполнение до 142%, а бригада Нинишина (плотники) со 105 до 158%. Сейчас имеется 71 хозрасчетная молодежная бригада; из них 20 комсомольских.

В июле на стройку пришли вести о победах харьковкостроевских каменщиков. Разница в производительности труда каменщиков Резникобината и Харьковского была громадна: 430 кирпичей в смену «на резинке» и 5000 на Харьковстрое.

Приехал инструктор по американскому методу кладки кирпича тов. Андерсен.

Комсомол заинтересовался. Были переведены на американский метод две комсомольские бригады учеников ЦИТА, выполнявших 50% нормы взрослого рабочего. Ученики быстро «загнали» взрослых рабочих, довели норму до 1.200 штук. Выгодность нового метода была доказана, и сейчас на него перешли все рабочие, увеличив производительность до 3 500-4 000 штук.

В ударных цехах заводов СССР родилась новая, высшая форма соревнования и ударничества—сменно-встречный. В качестве опыта была переведена комсомольская бригада землекопов Ковалева. В результате за декаду выработка поднялась со 122% до 149%. Сейчас с бригадой Ковалева вырос десяток сменно-встречных молодежных бригад.

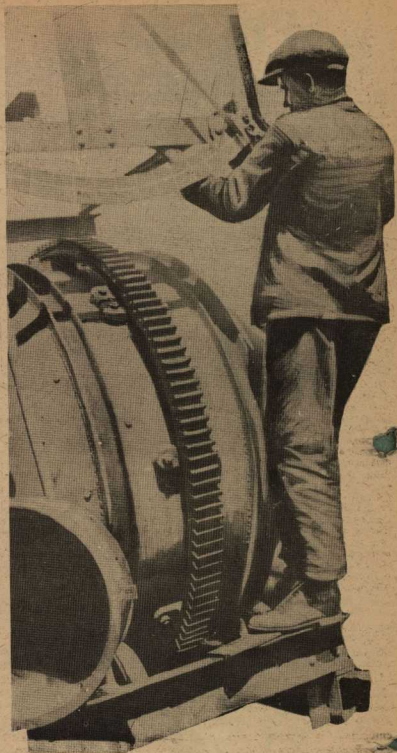
Стройка ощущала острый недостаток пиломатериалов. Лес был на гнилицах, но погрузки не было. Организовалась комсомольская бригада из 6 чел. под руководством тов. Иванова, мобилизованного на строительство любимским райкомом. Бригада поехала на станцию Шиньком и там погрузила 17 платформ леса. Одновременно была послана бригада в Рыбинск, где было погрузено и отправлено 3 вагона.

На площадке расставлены комсомольские посты контроля за правильным использованием стройматериалов. Постами было обнаружено, что арматурное железо, в котором остро нуждалось строительство шинного завода, направляло на другие участки, где в нем не испытывают большой нужды. Было сообщено в отдел снабжения, и железо стало регулярно поступать на шинный завод. В другой раз посты обнаружили на одном из складов большое количество рубероида, который также нужен был шинному заводу.

Нехватало гвоздей. Устроили комсомольский субботник и собрали 29 килограммов.

Недостаточно построить корпуса—надо их смонтировать. По инициативе Комитета было создано при ЦК ВЛКСМ совещание заводоуправляющих и портов, через которые должно проходить импортное оборудование.

Комсомольская организация включилась в борьбу за улучшение бытового положения рабочих. Скажем увидевся ФЗУ проводится штурм бескультурия, в бараках наводится чистота, окуривают красные уголки. Организована комсомольская столовая на 10 000 обедов, в ней ликвидированы очереди, введена сменность меню, образована чистота. В результате получился громадный прилив рабочих за счет других

Установка бетономешалки

столовых, и комсомольская имени «КП» выполняет норму на 150%. За шесть месяцев комсомольская организация выросла с 700 человек до 3 500.

Комсомол Резникобината готовится дать высококвалифицированные кадры рабочих для будущих заводов. 90% всех комсомольцев обучается в сети вечерних и дневных курсов, в школах ФЗУ, техникумах, рабфаках и ВТУЗах. Завербовано 1 000 чел. молодежи на вечерние курсы резинщиков.

Комсомольская организация комбината имеет много крупных недостатков. Руководство организацией имеет много общностей. Слаба массово-политическая работа в ударных бригадах. Низкое звание еще не стало опорным пунктом в работе организации, и вследствие этого все масса комсомольцев еще не мобилизована на активную борьбу за выполнение плана стройки в срок.

Комсомол Резникобината взяла шефство над шинным заводом и приняла боевую программу действий по подготовке завода к пуску. Эта программа, предусматривающая и своевременное окончание строительства, и подготовку к монтажу, и кадры, и освоение техники, и вопросы культуры и быта кадровых рабочих,—должна лечь в основу работы каждой ячейки, каждого звена, каждого отдела этого комсомольца.

ПЕРВЫЙ ФАБЗАУЧ

(ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

А. Баутин

В 1816 году ставший фабрикант Прохоров открыл при своей фабрике, на Пресне, «первую приготовительную и ремесла фабрику».

Вопрос с подготовкой рабочей силы — и даже нам простых рабочих — в заеху феодално-крепостнического строя был самым трудным вопросом для фабрикантов.

На ученический «земный мудрство» Прохоров присматривал канцеляра, обучал фабричных мальчиков грамоте в чужих десятках лет жила «уроки» резчиков, красильщиков, расквашивших, набойщиков своих в прочих «увеличение ситцеванного дела».

Преследая рождение «фабзауча» на Прехорове с самого начала.

Фабрики красного товара

Возникновение у нас хлопчатобумажных фабрик относится к началу 18-го столетия. Известно, например, что в 1729 году в России их было две, а в 1762 году — уже двенадцать.

Однако впервые возникли не ткацкие, а ситцевые фабрики для набойки «неских рубок ситцев, выбокс и платков как на вивомном из-за моря бумажном товаре, так и на российском льняном полотне». Первыми владельцами фабрик были крепостные крестьяне, получившие навыки в кустарном ремесле. Крепостничество не помешало им скопить огромные капиталы. Многие платили высочайший оброк помещику и даже заложили своих крепостных. Например, владельцы «мануфактур» Горелин и Грачев имели своих крепостных, когда еще сами были на оброке у дворян Шереметевых.

Основателем Прохоровской Трехгорной мануфактуры был тоже крепостной Иван Прохоров, сын Прохорова. Долгие годы он был сторожем в Троице-Сергиевской лавре и вод красильному «угодничка» сколотил немалую деньги, применяя долготерпеливые лавные кушечки-боточков. Когда у монастыря были отобраны вотчины, Прохоров занялся в купца в 1799 году открыл на Пресне фабрику.

Раньше наивнимым из не бездельных и оброчных крестьян, работавши даже в виде турки и нищие.

Фабриканты не раз подавали жалобы в Сенат, жаловались, что нет мастеровых и что помещицы, когда жадны, отзывает своих оброчных. Наконец Сенат издает указ:

«Всем работным людям, чьи бы они ни были, хотя бы и бездельны явятся, но которые до этого времени очутились на фабрике и обучались мастерству, быть лично из этих фабрикантов».

Фабриканты взыскивали. Они прежде брали у помещика рабочих напрокат, а теперь рабочий прикреплялся к фабрике «вечно» со всем своим потомком.

Но указ касался только «обученных», и Прохоров, чтоб законом закрепить за фабрикой рабочую силу, нанимает 180 человек подмастерков, детей рабочих, и обучает их грамоте и ремеслу.

«Важно быть при фабрике»

Принимая в «принудительную к ремеслам» школу, Прохоров заключал с отцом мальчика казальный договор. До наших дней сохранился подлинник такого договора с Иваном Хвостовым. Вот текст:

«1839 года, апреля 1-ю дня я, нижеподписавшийся, Иван Андреев Хвостов, заключил сие условие с купеческими сыновьями брат Прохоровых в том, что отдал я им малолетнего сына своего Василия в научение набойному мастерству и нужным для сего наукам на пять лет, на всем овишском содержании со следующим при этом договором: 1. Сыну моему находиться у хозяев и мастеров в полном послушании, в случае неповиновения имеет право его наказывать. 2. Хозяинову одежду сохранять в чистоте и целостности и без позволения нигде от двора не вытаскиваться. 3. За научение мастерству и содержанию сын мой обязуется отклик и отправлять пять лет. 4. Предоставляется брат Прохоровым право за изнучением народа передать его «другому достойному хозяину».

Указанный здесь Василий основательно «отжил», проработав на фабрике 70 лет. Его одноклассник Н. Васильев «отжил» 67 лет. В Павлов доработал до того, что умер в воротах фабрики. Отработав за учебу, молодой рабочий не уходил с фабрики. Человек, как кошка, прикрепляет к месту.

Фабрик 100 лет назад

Как обучались ребята в школе и что они делали на фабрике? Какова была производственная и учебная программа?

На это отвечают очерки современников, записки и архивы школы и фабрики.

В 1818 году Маслов писал в «Северной почте»:

«С давних пор в Москве, у Трехгорной заставы, существует заведение, способствующее обучению многообразным мастерствам ситцеванного дела. Это — школа при фабрике Прохоровых; фабричные мальчики половину дня обучаются закону божьему, арифметике, русскому языку,

рисованию линейному (черчению) и рисованию узорчатому. Другую половину дня занимаются на фабрике. Школа помещается при фабрике в отдельном светлом помещении. Столуются ученики при школе. Ложки, тарелки и миски — деревянные: ни в чем баску и роскоши нет.

За обедом ученик вслух читает «Житие святых».

Мы жили в спальню. Это нары, разделенные досками четверти на две в вышину, определяя каждому место для сна».

Маслов остался доволен и закончил свое описание так:

«Как все просто и уютно придуmano! В наше время, когда на Западе все больше стонет от неистовства фабричных пролетариев, мы с благозачастием повторяем: вот воспитание, которое дают ученикам брат Прохоровых, соединено с трудолюбием и основано на христианских началах, без которых мятусся и развращаются гражданские общества на западе Европы».

В то время учебных мастерских конечно не было. Все ученики (от 10 до 14-летнего возраста) проходили учебу в цехах, т. е. работая подручными мастерами.

Цехов было 100 лет назад были три корпуса, где работали набойщики. Корпуса эти, или, как их называли «кирпичные покои», были теплые и сухие и имели во все стороны окна, у которых стояли столы — верстаки.

Для набойки ситцев и платков верстаки покрывались в 2 слоя солдатским сукном. Под потоком, над верстаками, имелась главная жердильная, на которые подвешивалась материя для просушки. Чтой краски не подтекали на набитом товаре, помещения были всегда жарко натоплены и сухи. Уксусная кислота, на которой растворялись краски, испарялась, отчего в «покоях» была духота.

Около набойщика стоил окованен с загнушенной краемом краской. Набойщик растлал на верстаке товар, брал «манер» (деревянное клинче с вырезанным на нем рисунком) и назал краску. Потом кдал «манер» на товар и отбил рисунок «киновкой» (деревянным молотком).

Так набойщик отбивал ядз за ядзю весь кусок. Высушенный на ве шельки товар шел на ворот, где сгнет «растворитель» по длине.

Искусству набойщика главным образом и учились молодые рабочие, ученики школы. Набивка узоров, например, на мебельных тканях и «персидских» платках, велась в несколько переходов: несколько цветов — столько «манеров». Некоторые («саксонские») тушари имели от 8 до 12 коверов — столько же раз набойщик набивал и сушил весь кусок.

На двух набойщиков полагался один ученик, который сушила, растлрал краски, сортировал «манеры». Из протворенных к делу ребят выходили кадры молодых набойщикоков.

Краски и протравы для набойной готовились в красковарке, где было всегда не менее десятка учеников — бующих красковаров. Красковарка, или «секретная», в то время (т. е. около 100 лет назад) имела вид своеобразной кухни.

По середине — огромная плита, в ней выдолблены котлы для кипячения воды, для варки крахмала и азвариской камади (загустки). Главные тазы и ситцевые кадры для «жижжя» (раствор уксуса) и целый бунет спогнозительных запахов и паров — вот обстановка красковарки.

В то время товар набивался красками и протравой («мордан»). Такой товар поступал в красильное отделение. Тут для закрепления морданом ситцу пропускаться через ванну с раствором коровьего помета. И тогда ситцу промывалась и уже после этого выквашивалась в банях и корытальных бараках.

Окрашенный товар отправлялся для окончательной промывки в московские водох. Из то время на середине реки стояли платки, куда рабочие подвозили на лодках товар для промывки.

Товар, который предназначался в продажу без расцветки (киркало, полочница, платки), замачивался в деревянных кадках, потом его кидали в щелоках. После этого товар растлсался на дугу, где под действием света, воздуха (озона) и воды принимал белый цвет (белили по росе).

Готовый ситцев для глажки и шпательности крахмалится и пропускаясь через горячую медную ванну (оброчный глажальник).

Все эти операции требовали обученных мастеров. Ученики проходили курс прямо на производстве и по окончании школы составляли постоянный кадр квалифицированных рабочих Прохоровской фабрики.

Тарас Маринин

Рисунки прохоровских ситцев восточного типа («огурчинные») имели большой успех у окранных народов России: у киргизов, узбеков, бухарцев. Пытались-коченники ридились в шиветские ситцы прохоровской набойки.

Удивительным творцом рисунка был Тарас Егорович Маринин. Этот художник-самородок придал особый интересный облик товарам на холо стоевшие.

Тарас был выучеником школы «Первого фабзауча» и проработал более пятидесяти лет.

Он так любил свое дело, что часто рисовал даже на ходу, на улице.

За это его раз отправлен в участок. Тарас увидел на гулянье на одной даче шаль с интересным персидским узором и стал зарисовывать, следуя за дамкой по пятам.

Дима оказался важной и гневной, поджала на улице крик и несчастный художник был схвачен гороховыми и отправлен в часть... Марьягинская рисовальня долгие годы была душой всего дела на фабрике. Резчики, красовары, набойщики, химичи изощрили свое умение, чтобы в точности передать рисунки и расцветку на ситцах, шалях и платках. Труд и талант, усердие и творчество отцов и детей на фабрике создавали узоры, неподражаемые ничему иноземному и туземному". В результате коллективной работы выходили саксонские и персидские товары, которым дивились за границей.

Вот выде чки из письма 15 мая 1833 года Якова Прохорова, где он хвалит св... и товарищи:

«Не знаю, в какой мы разряд попадем на выставке российских изделий. Но и без того можно сказать, что наши товары по Азии времят: прошую ярмарку утешим нас бухары своими ласковыми упрасам дослатъ им цветною полубархату. А еще ради шутки скажу, что даже в самом роскошном, отпущенного вкуса торде, т. е. в Париже наши товары где-то на мебели лежат».

Творство Тараса пережило столетие. На всемирной Парижской выставке 1900 года были выставлены ткани с персидским орнаментом ручной набойки по его рисункам.

Фабрика получила высшую награду—большую золотую медаль. Парижские эксперты, узнав что Марьягин—самоучка и сын набойщика, просили прислать хотя бы портрет «столь замечательного мастера русского прикладного искусства».

Теперь на Трехгорке нет набойной мастерской. Проворные печатные машины заменили ручную набойку. «Машины» (деревянные клише) проданы с торгов.

Княжики (деревянные молотки) брошены в печь... Года три назад в небольшом помещении старики набивали петухов и павлинов на «вафельных» полотенцах. Теперь этого нет.

Но остался в рисуночных книгах фабрики неподражаемые образчики творчества Тараса, перед которыми азиатки бы наши почетные и почетные академики.

Первый фаблауч

Именно на Прохоровке родился первый «фаблвуч», существует он и теперь и носит высокое наименование:

«Профессиональная школа имени Вооруженного восстания 1905 года».

Трехгорному фаблаучу стукнуло этой осенью 115 лет.

Ребят на фабрике слюхо века зовут «кашниками».

Откуда это произошло?

На языке фабричного пролетариата каждая профессия, каждая производственная группа имеет своеобразие клички. Так например, красильщиков зовут «мамыми», работников в ткацкой—«рогатами» и «роганитами». Монтеров-электриков называют «паутищиками». Говорят, что ученики школы столовались при школе и на протяжении более чем столетия на второе получали гречневую кашу, может быть за это и прозвали учеников «кашниками».

Чем же был кашник до революции?

Это был малолетний рабочий. Все большие шлоны, волнения, забастовки юные кашники переживали вместе с отцами. Ребята никогда не изменяли своим отцам протарианам.

Школа рождала пламенных революционеров.

Молодые рабочие, получив образование, гремли на митингах, а потом гремли кандалами в Сибирь, в тайге.

1902 год. Объявлена забастовка. Среда рабочего дня из цеха в цех, как гранаты, врываются «боевые группы». Шапки надвинуты на глаза, но видно что молодежь.

—Кочай работай!—просто кричит один из группы и даже топает ногой.

Машины останавливаются.

«Рогата и мамы» с «превеским азартным криком» повалили на улицу. На городских вылетях ругательств.

—Фарови! Арахагет!

Мальчишки и подростки свистят. Рассказывают, как какой-то озорной оглед из «мамам» спустился штаны и обернулся задом к гороховым.

Арахагес ничего не могли сделать. Забастовку 1902 года прохоровцы выиграли.

В 1905 году почти все «кашники» поголовно участвовали в вооруженном восстании. Маленкие помогали строить баррикады. Черная класная доска кашки участвовала в баррикадах, и на ней было написано милое:

«Смерть вора! Да заранеет вооруженное восстание».

Ученики старших классов ходили по частным квартирам с призывом:

—Граждане! Жертвуйте оружием.

Судьи записывались в дружинники. Ученики красоквари и лаборатории помогали одному из руководителей восстания—Ильну готовить бомбы. Когда нехватно «начники» для бомб македон, группа «кашников» явилась в пресненскую аптеку Льва.

—У вас есть глицерин?

—Есть. Фляжон 10 копеек.

—А нафталин?

—Пявет 5 копеек.

—А бертолетова соль?

—10 копеек.

Бомбисты ласково взглянули на аптекаря.

Комсомольцы за сборкой первого советского товарного станка, (сентябрь, 1931 г.)

—Нам нужен весь глицерин, нафталин и бертолетова соль, которые имеются в аптеке.

—Для чего вам?

—Для приготовления бомб. Нам нужна также гремучая ртуть для запала. Бледный аптекарь принес свои бутылки и коробки.

—Вот...

—Вы это жертвуете революции?

—Да, да... возьмите.

В «секретной» на фабрике целые горы нафталина, сахару и бертолетовой соли белели, как непроходимые сугробы. Медники и жестяники готовили резервуары...

На кухне фабрики три грозных вождя пресненского укрепленного редута:—Медведев, Ильин, Седой. На Шимтовской фабрике, в этом страшном форпосте Пресни, засели столыры—дружинники под командой бывшего ученика Прохоровской школы Николаева.

Пресня упорно держалась, когда уже вся Россия была усмирена царскими ротами.

Целью шло две недели неравной пешинки. И когда на Пресне горели баррикады, дома и целые кварталы, погибло в бою и казнено много прохоровских рабочих.

Среди них погибло много «кашников». Ослепник, молодой красильщик, только что окончивший школу, погиб на баррикадах.

Николай Зернов, 18 лет, Ионичев, 20 лет, и Коротков Семи, 22 лет, бывшие «кашники», были расстреляны полевым судом во дворе фабрики, в числе 14 прохоровских рабочих.

Многие молодые рабочие были угнаны на каторгу.

Вася Честнов, 17 лет, ученик лаборатории, был приговорен к каторжным работам.

На суд он явился в красной рубашке и с ненавистью крикнул судьям в своем последнем слове:

— Не пугайте цепями! Я буду гордиться своими кандалами, как солдат георгиевским крестом.

В Сибирь Честнов организовал побег, но был застрелен часовым.

Теперь у входа на Трехгорку в кирпичной стене, у которой расстреляны рабочие в 1905 году, висела мраморная доска, и на ней золотыми буквами написаны имена 14 казненных дружинников.

Школа получила свое наименование в память «Вооруженного восстания 1905 года».

А. Ваулин.

СТИХИ о чертенике

лев ошанин

Я новой дороги не стал открывать.
Привычен мне циркуль и стол.
Чертённое дело копировать
На зтоут завод я пришёл.
Конструктор вопрос без меня разрешил.
А время и тушь не жале!
Сидел я в лесу пропьяненных ревшин,
В кустарнике циркулей.
И быстро постиг за высоким столом
Нехитрое ремесло:
Уменье в размеры параболу вклинить,
Проверенность дйинных залупанных линий,
И ровню
Косые углы закружива,
Встава бесконечный нормальный шриффт.
И мне надоела,
В конторе и дома,
Работа без творчества, без подёма,
И мне стал преть
По протроному следу
Размеренным шагом идущий рейсфедер.

И мне уже в тягость чертёжный мой край
был,
Я с грустью уже отдавался ему,
Когда поручили мне, дали планшайбу
Вычертить самому.
Планшайбу, никто не уверен в которой,
Которую парень в цеху отгадал,
Чтоб мощный станок его без перебора
В два раза быстрее рстачивал вал.
И я принялся.
Из картонной коробки
Я долго и тщательно пробрал кнопки.
Волнуясь, на доску прикалывал лист...
И вот уже знал, как окружности ягут,
Когда циркуля мои подынались.
И взял я работу большую бумагу.
Я мог бы сказать, что я ощуал.
Я чувствовал запах, я слышал шинелье,
Я трогал располченый начисто вал,
Поверженный предложенью...
И дела рейсфедер крутой поворот,

И рвался рейсфедер вперед...
И вот, когда в цех я пришел налегке,
В кольце центробежных
Стремительных сил
Увидел, как вертится на станке
Планшайба, которую я чертил.
Станок наступал,
И застыли мы рядом
Два залитых гордостью творческих взгляда.
... И вот я прошел чертёжи и годы,
Я выдала радость, показывал удаля,
Но этой минуты уже никогда,
Уже никогда не забуду.
Скляюся над доской, где цилиндры
встают,
Где схема станка лежит,
Я радуюсь, что асерьёз живну,
Работаю чертежи.
И каждый чертеж мой
Вздает с набора,
Влезает для рсбужки нужен и дорог.

№ 16 "Смены" т. Астафьев рассказал, нан один Кружковец Свирилов, нежелающий написать роман о социалистическом будущем, зачитывал свои отрывки на литературном кружке. Кружковцы в его замысле увидели опасный уход от действительности и подвергли его довольно основательной критике.

Редакция "Смены" поставила на широкое обсуждение это литературное начинание. Наши читатели, приславшие отзывы, все в один голос заявляли о необходимости утопического романа, хотя по некоторым пунктам и имеют иррентные разногласия. Нине мы печатаем выдержки из писем читателей.

1. "Показать будущее в связи с настоящим". Это означало самое письмо рабочей Горшков, который говорит, что зачастую можно встретить товарища, не имеющего достаточного и правильного представления о социализме, несмотря на то, что в наше время много и нужно его иметь. Далеко не все пишут.

Дочти все кружковцы Семеновская думают, что роман о будущей жизни не будет мобилизовать рабочий класс на выполнение поставленных перед ним задач настоящей действительностью".

Это неправильно. Произведение о будущем социалистическом обществе сыграет большую агитационную роль. Оно неизбежно будет заражать, в особенности молодежь, пафосом нашего строительства.

Будет большой ошибкой, если Свирилов подает свои планеты лишь как техническое и научно-исследовательское достижение, не показывая пролетариату — хозяина будущего.

Что касается начинания (вернее, метода коллективной помощи в работе) антуража, то оно лишь во многом может помочь нашим писателям в создании большого искусства будущего.

П. Горшков

Фабрика "Внекоза" в Мытищах

П. Другой читатель, Шушунов, со всем размахом обрушивается на качество семинаров и решительно расписывается за фантастику.

— Разве не на основе изучения сегодняшней действительности, в частности опыта производственных процессов стекольного завода, у Свирилова родился упомин о сооружении "стеклянных планет"? — спрашивает Шушунов. Полагаю, что такое не может быть.

В порядке социалистического "врастания" кружковцы Семеновская поили оппортунистическую тропку невинности (как бы чего не вышло) и забыли оказать практическую помощь Свирилову.

Лично я голосую за фантастику, фантастику, основанную на истинных научных изобретениях, на опыте производственных процессов. Такая фантастика будет непременным условием равнове-

сти вех для грядущих побед человека. Эпиграф, взятый Свириловым из арсенала марксистско-ленинской диалектики, — прямая или указатель того, что Свирилов и сам отнюдь не понимает, что без сомнения наиболее лучшего, наиболее прогрессивного в нашей действительности ни в коем случае не создать новую фантастику. Такая фантастика в конечном итоге уничтожает старые взгляды на мироздание, подталкивает творческую мысль к изобретательскому активу Советского союза. Мне кажется, что иного взгляда не может быть. Желательно заслушать мнение других товарищей со страниц нашего журнала.

С. Шушунов

Урал. Г. Троицк, газета "Вперед"

III. "Беззастенчивый подлинник" "Смены" Егоров пошел к обсуждению затронутых вопросов сугубо критически.

Перечислив все признаки грандиозности нашей эпохи, о чем он ждал бы иметь художественное произведение, Егоров все же заявляет: "Для меня совершенно несомненно, что и о будущем писать нужно. Но мне кажется, что Свирилов неправильно поставил вопрос о социалистической фантастике. Само название, думается мне, неоподоблено."

Под "социалистической", если вообще можно так сказать, я понимаю две перспективы, которые возможно представить из данного состояния нашей экономики, и что диктует, так сказать, исторической неизбежностью. Что же касается фантазии Свирилова, то можно сказать, что между его и "мечтаниями" Ленина такая же разница, как, выразился словами Спичко, "между нем и совещанием пса".

Егоров В. И.

Серпухов, Ново-Ткацкая фабрика

IV. Т. Каменский, комсомолец мичуринского питомника, пишет:

"Совершенно правильно поступили члены кружка неизвестного города Семеновская, подвергнув обсуждению замысел романа Литкружковца Свирилова. Ведь даже у общественных писа-

телей и то встречаются большие промахи. Ярким доказательством может служить неудача с "Рождением героя" Либедникова. Разве не правильно заметил старик Федоров, который посетовал Свирилову, "чтоб у него пролетарчат был больше этих самых планет". Безусловно, что ведущая роль в романе должна принадлежать пролетариату. Нужно сделать так, чтоб мысль о планетах была лишней или кружка изобретателей.

Фантазия Жюль Верна и других писателей стали уже действительностью. Есть у нас теперь и подводные лодки, и "плавающие дома", и "летающие птицы". Возможно, будет когда-нибудь и лазуванье в романе Свирилова. Но суть замысла в том, что строить эти планеты может только социалистическое общество, а не капиталистическое, где развитие науки становится предел. По-моему предельно обсуждение замысла пролонгирование заражает творческой энергией других."

П. Каменский

г. Колоды

V. Литкружковец "Электростанция" Макаров приветствует начинание Свирилова, но в то же время он и осуждает их за неучтось отношение к Свирилову.

В конце он пишет: "Если у Свирилова хватит свободного времени для написания романа о будущем, то это дело не плохое. При этом приходится оговориться, что никакого десертности с трулгового фронта по имя утопической проблемы не будет. Каждый рабочий с удовольствием прочтет книгу, где будет описана технология стекла в будущем. Мы не можем сказать, что она не будет осуществлена. Ведь осуществляются же, например, идеи Жюль-Верна."

Но задачи Свирилова гораздо сложнее, чем Жюль Верна. Свирилову нельзя обидеть науку классовых борью. Он должен показать нам и в будущем эти ожесточенных классовых битв. Вопрос о социалистической фантастике поставлен правильно."

Н. Макаров,

член литкружка "Электростанция"

ШАХМАТЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Л. Н. ГУГЕЛЯ

Турниры

по переписке

Шахматный отдел «Смена» приступает к организации шахматных турниров по переписке. Для начала открывается запись в следующие турниры:

Турнир № 1. Общий. В этот турнир могут записываться все мастера.

Турнир № 2. Для вузовцев. В этом турнире, в отличие от других, будет дано несколько больше время для обсуждения ходов.

Турнир № 3. Женский.

Турнир № 4. Для работающих в машиностроительной промышленности.

Турнир № 5. Для начинающих шахматистов.

В каждом из этих турниров по семь участников, играющих друг с другом одновременно по две партии. Во всех турнирах (кроме № 2) на обсуждение дается три дня. Более подробные условия будут высылаться лично каждому участнику.

Для записи в турнир нужно сообщить свое имя, отчество, фамилию, указать возраст, социальное положение, партийность, место работы и сообщить свой точный адрес и адрес места работы. Одно из больших мест подобных соревнований — это преждевременный выход из турниров (до окончания партий). Для борьбы с этим другие организации, проводящие подобные турниры, берут с участников из денежных средств, возвращаемых лишь в случае окончания игры.

«Смена» отказывается от этого. Редакция надеется, что в турнирах «Смена» будут лишь такие шахматисты, которые любят шахматы не столько честолюбием, гонящихся лишь за первым местом и вза-за личной неудачи срывающих массовое мероприятие.

Как показал опыт, стоимость почтовых расходов равна 25-30 копейкам в пятилетку. Но для участников турниров «Смена» будут в ближайшее время выпущены специальные бланки, уменьшающие почтовые расходы до 7-9 копеек в пятилетку.

Продолжительность турнира по переписке — около 10 месяцев. Но при точном исполнении правил турнира, что вполне достижимо на основе сознательности участников и соревнования между турнирами, этот срок может быть сокращен.

Редакция надеется, что турниры по переписке помимо своих шахматных целей достигнут и еще одной, не менее важной: свяжут между собой молодежь, которая сможет обменяться между собой производственным опытом, своими достижениями в борьбе за промпатриотизм, за кадры и т. д.

К нашему международному конкурсу

Международный конкурс двухходовок, условия которого были объявлены в № 27, привлек уже значительное количество участников. Судьи приступили к предварительному просмотру задач. Для того, чтобы конкурс был закончен в точно установленные сроки, редакция просит любителей, которым были посланы какие-либо запросы или указания на дефекты, имеющиеся в их задачах, прислать разъяснения и исправления до 15 декабря. В случае неуточнения исправлений к этому дню задачи будут исключаться из конкурса.

Напоминаем и товарищам, еще не приславшим своих задач: уже с 16 декабря прием задач на конкурс будет прекращен. Терпите!

Партия № 1.

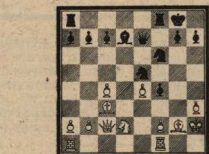
Голландская

Играла 11 октября 1931 года в первом туре всеобщего шахматного турнира (7 группа).

Белые: Агостов (Сп. Болгар)

Черные: Танин (Москва).

1. d2—d4 e7—e6 2. e2—e4 f7—f5 3. g2—g3 Kf8—f6 4. Cf1—e2 Cf8—b4+ 5. Kh1—d2 0—0 6. Фd1—e2 Kf8—e6 7. Kf1—f3* d7—d6 8. v—0 11. d1d2—e3 Фf8—e7 12. Kf3—e2 Cc8—f7 13. e2—e4 f5—f4 14. g3: f4* e5: f4 f5. h2—h3 Kc6—e5 16. Kpe1—h2

16. . . . f4—f3* 47. Kd2: f3 Kf6—g4+ 18. Kpl2—g3* Kc5: f3 19. Cg2: f3 Фe7—g5* 20. Cf3: e4 Фe5—f4+ 21. Kp3—e2 Oit 4: g4 22. Лf1—g1* Фf4—f3+ 23. Kp2—f1 Фf2: h4+ 24. Кf1: e4 Фf4: f3 25. Лa1—c1 Лf8—f4 26. Cc3—d4 Лf4: e4+ 27. C4a—e2 Лd4: e3+ 28. f2: e3 Фf3: e3+ с матом в 2 хода.

Примечания:

1 Так называемое «голландское начало». Оно было исследовано 140 лет назад голландским шахматистом Стейном, умершим в 1812 году. Идея этого начала — борьба за центральные поля e4 и d5. В настоящее время голландское начало, дающее черным запутанную и трудную игру, почти не встречается.

2 Лучшее было бы f7, e5 с последующими 8, Kf3, подготовляющим 0—0 и f3.

3 Решающая ошибка. Но и без этого положение белых неудовлетворительно.

4 Эта жертва расчищает дорогу черным ферзю.

5 Красивая заключительная комбинация. Подобные жертвы не редкость в партиях молодого Танина — предпринимательного и комбинационного игрока.

6 Быстрее проигрывает 18. h: g.

7 Можно было бы и 19. . . Kh2, выигрывает качество. Но черные играют из мат. 19. . . Фb6+ не проходит из-за 20. e5 K: e5 21. f4+ с последующим f4.

8 На 22. h: g последовало бы Ф: e4+ Лf3.

Решения

Задача № 5, Кузнецова (Б.: Крп 8, Ла 8, b7, Ca* Kc6, п. e5; Ч.: Крe6, Фd5, Сb6, Kf6, п. a5. 2X*)

1. Лh7—f7!

Первым ходом белые смело открывают своего короля под три шаха, два из которых даже двойные. От других задач на эту тему, эта выгодно отличается экономичностью и точностью построения.

Задача № 6, Вайнштейна (Б.: Kpl1, Фd4, Лd6, e3, Сd1, a6, Kc1, п. e3, e4, e5; Ч.: Kp13, Лf5, f6, Cl5, h8, Kc2, п. e3, h3, b7, 2X).

1. e4—e5.

Содержание задачи центрируется в варианте 1. . . Kf4+! 2. e5X! Во избежание 1. Се8 нужно давать черную пешку на a7.

Задача № 7, Уткина (Б.: Крb5, Фd8, Лh6, Cd7, Cd1, h6, Ka2, d5; Ч.: Kp12, Фe7, Лa7, f5, Cl6, п. a6, h4, e7, e7, f6, g4, 2X).

1. Лc1—e4!

Так как эта задача была напечатана без коня e2, всадеисте только появился нерешаемость с коню 1. . . C (K) e5, то поэтому задача с конкурса решальной сивта.

Задача № 8, Воробьева (Б.: Kpa5, Фd8, Лe7, Cl1, h6, Ka2, d5; Ч.: Kp12, Фe7, Лa7, f5, Cl6, п. a6, h4, e7, e7, f6, g4, 2X).

1. Лc1—e4!

Очень хорошо! Но, к сожалению, задача имеет предшественников. Интересно отметить, что почти одновременно с этой задачей мы получили от тракторостроевского фабриканта М. Тимохина почти аналогичную, но, к чести этого составителя, интереснее слезную задачу.

Задача № 9, Житомирского (Б.: Kp16, Лe6, Cf5, h6, Kf4, п. b4, c3; Ч.: Kp15, Лe1, Ch5, Ke8, п. a6, e5, 2X).

1. Kf4—c2!

Как один из первых опытов, — удовлетворительно. Задача № 10, П. Кузнецова (Б.: Kp16, Фd3, Лa5, Cl8, Kf6, п. e4; Ч.: Kp14, Лh6, Ch7, п. e7, h4, 2X).

1. Лa5—g5!

В результате этого выжидательно-подготовительного хода черные попадают в положение так называемого душгавца (Ligzdavci) хотя ни и ничего не грозит, они погибают от 65-го из имеющихся в их распоряжении ходов.

Задача № 11, Клаунига (Б.: Kp18, Лe7, Сd4, п. a5, c3; Ч.: Kрe6, п. c5. 3X).

1. Cc1—d3 Kрe6—f5 2. Лe7—d7+ и т. д. 1. . . c5—e4 2. Cb3: c4.

ТРЕТИЙ КОНКУРС РЕШЕНИЙ

Задача № 25

Задача № 26

Задача № 27

Задача № 28

Этюд № 4

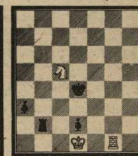
Н. Каминский (Минск)

Д. Лонджинский и Е. Эман

М. Уткин (Москва)

В. Сидоров (Львов)

Р. Александров (Львов)

Мат в 2 хода

8:7

Мат в 2 хода

9:8

Мат в 2 хода

11:7

Мат в 2 хода

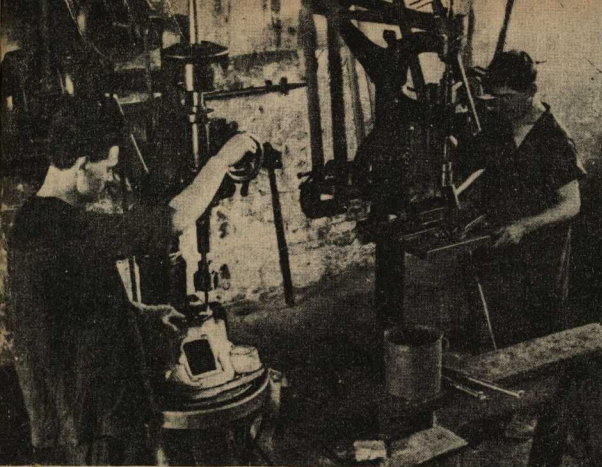
6:7

Ничья

3:4

Учоди. Главлати № В 12740.3*, п. л. ж. ф. 300.000 М. Г. № 2229 Зак. № 1051 Типо-лит. «ОГОНЕК», Жур.-Лаз. Об'ед. Москва, Посел. п., 26. Тир. 65.175

Сдано в набор 20 X. Подписано к печати 6 X.

Женщины хозяйственной комсомольской бригады мастеровых иностранца т.т. Никитина и Слушера. Кузнецкой. Комсомольцы-ударники на стройке доменного цеха

Ударница-комсомолка, сверловщица з-да «Сотрудники Революции» тов. Федорова, переданная в партию

Комсомолец Сталинградского тракторного тов. Митя выдвинул башкалдон на комбайнер

**так бьется пульс
ленинского
комсомола**

к МИРОВОМУ ОКТЯБРЮ
шагает комсомолия
ударными колоннами

